

ПОДОЛЬСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.
1 и 15 чиселъ.

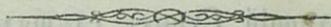

Цѣна годовому изданію, съ пересылкою 4 р. 60 к. а безъ пересылки 4 р.

15 Мая.

№ 10.

1874 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА (*).

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, 25 минуваго Марта, Высочайше соизволилъ утвердить всеноданный докладъ Святейшаго Синода о бытіи викарію Тобольской епархіи, Епископу Березовскому Ефрему — Епископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, 26 минуваго Марта, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданный докладъ Святейшаго Синода о назначеніи ректора Кіевской Духовной Академіи и настоятеля Кіево-братскаго монастыря, Архимандрита Филарета — вторымъ викаріемъ Кіевской епаріи, съ наименованіемъ его — Епископомъ Уманьскимъ и оставленіемъ при нынѣ занимаемыхъ имъ должностяхъ,

(*). Правит. Вѣстникъ 1874 г. № 89.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, послѣдовавшій на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Архіепископа Подольскаго и Брацлавскаго:

Отъ 28 Марта 1874 года за № 16. *Объ отлѣньи коронъ на орденскихъ знакахъ Св. Анны 1 и 2 ст. и Св. Станислава 2 ст.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенную Господиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 20 минувшаго Февраля за № 592, копію съ именнаго Высочайшаго указа, даннаго Капитулу Россійскихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ и Царскихъ Орденовъ, въ 14 день того же мѣсяца, объ отлѣньи существующихъ для Орденовъ св. Анны 1 и 2 ст. и св. Станислава 2 ст. знаковъ, украшенныхъ ИМПЕРАТОРСКОЮ короною. Приказали: *Объ изъясненной Высочайшей воли для должныхъ распоряженій къ исполненію, дать знать по духовному вѣдомству печатными указами, съ приложеніемъ копіи съ именнаго Высочайшаго указа.*

Указъ Капитулу Россійскихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ и Царскихъ орденовъ.

На основаніи изданныхъ въ 22 день Іюля 1845 и въ 28 день Мая 1839 г. Статутовъ Орденовъ Свѣтлѣ Анны и Свѣтлѣ Станислава (559 и 631 ст. Учр. Орд. Св. Зак. Гр. изд. 1857 г.),

первая и вторая степени ордена Святыя Анны и вторая степень ордена Святаго Станислава имѣють каждая по два подраздѣленія, изъ коихъ одно состоитъ изъ орденскихъ знаковъ, украшенныхъ Императорскою короною, а другое изъ орденскихъ знаковъ безъ короны.

Нынѣ, признавъ за благо отмѣнить означенныя подраздѣленія,
Повелѣваемъ:

1. Оставить для первой степени ордена Святыя Анны крестъ и звезду безъ Императорской короны и для вторыхъ степеней орденовъ Святыя Анны и Святаго Станислава кресты также безъ короны.

2. Соответственно сему измѣнить статьи 559, 631, 581 п. 7 и прилож. къ 654 ст. Учр. Орд. Св. Зак. Граж. (изд. 1857 г.), а равно статьи 595 и 656 и приложения къ статьямъ 184 и 185 того же Учрежденія, по продол. 1863 г.

3. Приведенное въ 14 пунктъ 483 статьи Св. Учр. Орд. (изд. 1857 г.) правило объ удостоеніи къ ордену Святаго Владиміра третьей степени чрезъ Кавалерскую Думу, за прослуженіе по выборамъ дворянства установленныхъ сроковъ, Губернскихъ и Уѣздныхъ Предводителей Дворянства, Почетныхъ Попечителей Гимназій, Предсѣдателей Губернскихъ Палатъ, Ландратовъ и Почетныхъ Попечителей Училищъ, имѣющихъ ордена Святаго Владиміра четвертой степени и Святыя Анны второй степени съ Императорскою короною, распространить на тѣхъ изъ сихъ лицъ, которыя имѣють ордена Святаго Владиміра четвертой степени и Святыя Анны второй степени.

и 4. Награжденные уже знаками орденовъ Святыя Анны и Святаго Станислава, украшенными Императорскою короною, сохраняють ихъ на прежнемъ основаніи,

Капитулъ Орденонъ имѣеть сдѣлать по сему надлежащее исполненіе.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ»

14 Февраля 1874 года.

Въ С.-Петербургѣ.

III.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Награждены: а) набедренникомъ священникъ с. Черной, Балтскаго уѣзда, Константинъ Думанскій, за ревностную заботливость о приходскомъ храмѣ, и о церковно-приходскихъ школахъ, по должности наблюдателя; б) похвальными листами: церковный староста, Литинскаго уѣзда, с. Лозовой, приписнаго прихода къ самостоятельному с. Думанокъ Артема Осадчукъ, — за 15-ти лѣтнюю службу его въ должности церковнаго старосты. Церковный староста м. Купина Каменецкаго уѣзда, крестьянинъ Даниилъ Подльсный, — за 12-ти лѣтнюю службу въ должности церковнаго старосты, и крестьянинъ с. Балтской Корытной Балтскаго уѣзда Григорій Шаргородскій, — за пожертвованіе имъ на постройку кладбищенской церкви 905 руб.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ при приходскихъ церквахъ: Каменецкой Польско-Фольварецкой Свято-Георгіевской, — титулярный совѣтникъ Сумеонъ Сувчинскій; крестьянинъ с. Янова Гайсинскаго уѣзда Климентъ Маложонъ, — къ мѣстной Покровской церкви. Мѣщанинъ Моисей Григоренко, — къ Богословской церкви въ предградіи г. Винницы, — Педекъ, на первое трехлѣтіе. ●

Рукоположенъ во священника окончившій курсъ въ Подольской духовной семинаріи студентъ Георгій Садовскій въ с. Новый Свѣтъ Проскуровскаго уѣзда.

Почислены священническія мѣста: за окончившими курсъ въ Подольской духовной семинаріи: Василиемъ Лапинскимъ въ с. Поповцахъ Летичевскаго уѣзда; Николаемъ Хомицкимъ въ с. Круты-бородахъ того же уѣзда; Леонтіемъ Новицкимъ въ с. Гетмановкѣ Балтскаго уѣзда.

Перемещены: Священникъ с. Барышковецъ Каменецкаго уѣзда Ксенофонтъ Богданъ, въ с. Кульчѣвцы того же уѣзда на священническое мѣсто. Священникъ с. Гетмановки Балтскаго уѣзда Ареѳа Дабижа въ с. Очеретну того же уѣзда. Состоящій на Іеромонашеской вакансіи Шаргородскаго первокласснаго монастыря Игуменъ Серафимъ, — въ Головчинскій монастырь, въ число братіи того монастыря.

Разрѣшено: въ с. Подорожной Литинскаго уѣзда, раскрасить красками внутри часть олтара, и устроить во кругъ церкви новую ограду, въ с. Михайловкѣ Гайсинскаго уѣзда, оправить и окрасить внутри и наружи церковь; въ с. Баштанковѣ Ольгопольскаго уѣзда, устроить новыи иконостасъ въ церкви; въ с. Ярошовкѣ Винницкаго уѣзда, окрасить снаружи церковь.

Выданы паспорта: Священнику с. Заливанщины Винницкаго уѣзда, Владиміру Погорлецкому въ г. Одессу на одинъ мѣсяць для леченія. Діакову с. Каменной Кирицы Балтскаго уѣзда Андронику Жуковскому въ г. Кіевъ на 15 дней; и. д. псаломщика с. Гатной Деражня того же уѣзда, Стефану Ватыку въ г. Кіевъ, на одинъ мѣсяць.

Умершіе исключаются изъ списковъ: Ямпольскаго уѣзда 4 округа благочинный, священникъ с. Попелювки Ілія Петринскій; священникъ с. Очеретной Балтскаго уѣзда, Василій Лазъ,

и. д. псаломщика с. Кохановки Винницкаго уѣзда Іуліанъ Самарскій; и. д. псаломщика с. Михалевки Брацлавскаго уѣзда Іоанникій Вигуржинскій.

ЖУРНАЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНІЕ ПРИВОРОТСКАГО УЧИЛИЩНАГО СЪѢЗДА, СОСТОЯВШАГОСЯ 10 И 11 ЧИСЕЛЬ АПРѢЛЯ 1874 ГОДА.

Депутаты Приворотскаго училищнаго округа, прибывши на съѣздъ въ Приворотское училище, 10 Апрѣля, по отпращиваніи Господу Богу благодарственнаго молебствія, смотрителемъ училища о. протоіереемъ Разумовскимъ и по произнесеніи вступительной рѣчи членомъ правленія священникомъ Сильвестромъ Львовичемъ, избрали изъ среды себя, посредствомъ закрытой баллотировки, на должность Предсѣдателя съѣзда священника села Слободки Кучской Іосифа Съжинскаго и дѣлопроизводителемъ с. Выхватневецъ священника Павла Мозолевскаго, и затѣмъ на двухъ засѣданіяхъ, происходившихъ 10 и 11 чисель, имѣли разсужденіе и постановили слѣдующее:

1) На возобновленіе погорѣвшаго училищнаго зданія, по смѣту архитектора Г. Освальда, положено: десять тысячъ, восемьдесятъ восемь руб., восемьдесятъ семь коп. Хотя эта цифра можетъ быть и превысить стоимость возобновленія погорѣвшаго зданія, но имѣя въ виду какъ возобновленія зданія, согласно требованію училищнаго устава, такъ и необходимый ремонтъ другихъ училищныхъ зданій, съѣздъ постановилъ: оставить смѣту архитектора въ ея настоящемъ видѣ.

2) На покрытіе издержекъ по вышеозначенной смѣтѣ, съѣздъ постановилъ внести единовременно отъ каждаго причта и церкви по двадцать руб. сереб., распредѣливъ эту сумму такъ: по семи руб. отъ священника, по три руб. отъ причетника, по пять руб. изъ церковныхъ суммъ и по пять руб. отъ церковно приходскихъ попечительствъ, что составитъ отъ двухъ сотъ причтовъ и

церквей четыре тысячи руб., присовокупивъ къ этой суммѣ, тысячу триста руб. сереб., пожертвованныхъ на общепархіальномъ съѣздѣ духовенствомъ, имѣемъ: пять тысячъ, триста руб. серебромъ.

Резолюція Его Высокопреосвященства, „Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Архіепископа Подольскаго и Брацлавскаго“: Согласенъ.

3) Что касается недостающей по смѣтѣ суммы, въ количествѣ 4788 руб. 87 к. сереб., то имѣя въ виду, какъ заявленіе Обще-Епархіальнаго Съѣзда 16 Января текущаго года и на будущее время не отказать въ вспомоществованіи при возобновленіи погорѣвшаго Приворотскаго училищнаго зданія, такъ и то, что здѣшнее училище не отказываетъ въ приѣмъ и дѣйствительно содержитъ иноокружныхъ воспитанниковъ, — Съездъ Приворотскаго училищнаго округа проситъ Его Высокопреосвященство возложить недостающее количество суммы на духовенство Подольской Епархіи, за исключеніемъ Приворотскаго училищнаго округа.

Резолюція: „На торгахъ смѣтное количество суммы должно понизиться, а потому постановленіе это считаю рановременнымъ“.

4) Первую половину суммы, духовенство Приворотскаго училищнаго округа, обѣщаетъ внести въ Іюль мѣсяцъ текущаго года, вторую же въ Октябрь тогоже года. О своевременномъ же взносъ отъ иноокружнаго духовенства, Съездъ проситъ Его Высокопреосвященство сдѣлать распоряженіе свое.

Резолюція: „Консисторія сдѣлаетъ распоряженіе“.

5) Для своевременнаго и неотложнаго начатія работъ по возобновленію погорѣвшаго зданія, Приворотское училищное правленіе одоужаетъ, до Августа мѣсяца, духовенству Приворотскаго

училищнаго округа двѣ тысячи руб. сер., изъ суммы, ассигнованной на содержаніе наличнаго состава преподавателей на 2 полугодію текущаго года.

Резолюція: „Дозволяется, подѣ ответственностію правленія училища“.

6) Перучить правленію Приворотскаго училища не медленно же произвести торги съ недельною переторжкою.

Резолюція: „Утверждается“.

7) Съездъ депутатовъ, вполне доверяя надсмотрѣ надъ возобновленіемъ зданія училищному правленію, считаетъ необходимымъ придать ему въ пособіе двухъ членовъ, выбранныхъ закрытою боллотировкою, которые бы совокупно съ правленіемъ составляли строительный комитетъ, каковой выборъ произвести немедленно, и заключивъ о семъ актъ представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства.

Резолюція: „Утверждается“.

8) Заслушавъ прошеніе уволеннаго изъ Подольской духовной семинаріи Николая Трушкевича, на должность комисара Приворотскаго училища, Съездъ предоставляетъ правленію почислить за таковымъ означенную должность, впредь до усмотрѣнія, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ о себѣ законныя документы.

Резолюція: „Прежде представленія документовъ и до усмотрѣнія опредѣлять Трушкевича комисаромъ не слѣдовало. Правленіе училища, собравъ точныя о семъ справки, сдѣлаетъ мнѣ особое представленіе“.

9) Назначеніе времени новаго Съезда предоставить благоусмотрѣнію Его Высокопреосвященства.

Резолюція: „Назначается на 3 Октября сего года“.

Поправка. Въ Подольскихъ Епархіальныхъ ведомостяхъ 1873 г. № 19, на стран. 250, между прочимъ пропечатано: Окончившій курсъ Подольской духовной семинаріи Даниль *Добро-творскій* рокоположень во священника въ с. Стриховцы Ушицкаго уезда. Между тѣмъ за Добротворскимъ почислено священническое мѣсто въ с. Строинцахъ Балтскаго уезда, на которое онъ и рукоположень во священника.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ

ЗАВЕДЕНІЯ (*) „МЕТАХРОМОТИПИИ“

РАКОЧІЙ И К^о.

С.-Петербургъ. Николаевская улица, близъ Невскаго, д. № 16.

Заведеніе существуетъ съ 1859 года.

НАИМЕНОВАНИЕ ИКОНЪ.	Размѣръ въ вершкахъ.	ЦѢНА БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛ.			
		Золотой Фонъ.		Простой Фонъ.	
		Р.	К.	Р.	К.
Ангель хранитель	4 — 3	1	50	1	—
Казанской Божіей Матери, что въ Казанскомъ Сѣбѣрѣ	8 — 9	6	—	—	—
Тоже	7 — 6	3	—	—	—
Тоже	3½ — 3	1	—	—	—
Богоматери Всѣхъ Скорбящихъ Радости	4 — 3	1	50	1	—
„ Отрада или утѣшеніе	5 — 6	2	—	1	50

(*) Заведеніе Метахромотипии присовокупляетъ, что оно можетъ дѣлать разсрочки въ платежахъ, если требованія будутъ обращаться чрезъ консисторію.

„ Тоже	3½	— 3	1 25	— 85
„ Достойно Есть	3½	— 3	1 25	— 85
„ Скоропослушницы	7	— 6	2 50	2 —
„ Троеручицы	4	— 3	1 50	1 —
„ Умпленіе	4	— 3	1 50	1 —
„ Смоленской	4	— 3	1 50	1 —
„ Тихвинской	4	— 3	1 50	1 —
„ Донской	4	— 3	1 50	1 —
„ Неувядаемый Цвѣтъ	4	— 3	1 50	1 —
„ Утоли моя Печали	4	— 3	1 50	1 —
Господь Вседержитель	6	— 5	3 50	2 50
Тоже	5	— 4	3 —	2 —
Тоже	4	— 3	1 50	1 —
Нерукотворенный Образъ Спасителя, (что въ домикъ Петра I)	10	— 12	8 —	— —
Тоже	7	— 6	3 —	— —
Тоже	3½	— 3	— —	1 —
Спаситель съ Гвидорени	3½	— 3	— —	— 75
Спаситель Благословляющій Дѣтей	4	— 3	1 50	1 —
Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы	7	— 6	— —	3 —
Воскресеніе Христово	7	— 8	— —	4 —
Вознесеніе Христово	7	— 6	— —	3 —
Входъ Господень въ Іерусалимъ	7	— 6	— —	3 —
Крещеніе Господяе	7	— 6	— —	3 —
Рождество Христово	7	— 6	— —	3 —
„ Пресвятыя Богородицы	7	— 6	— —	3 —
Срътеніе	7	— 6	— —	3 —
Троица Старога Завѣта	7	— 6	— —	3 —
„ Новаго Завѣта	7	— 6	— —	3 —
Моленіе о Чашѣ	8	— 6	— —	4 —
Афонскіе Святые	7	— 6	— —	3 —
Св. Александра Невскаго	7	— 6	3 50	2 —
Тоже	3½	— 3	1 —	— 70
Св. Великомученицы Екатерины	4	— 3	1 50	1 —
Св. Равноапостольнаго кн. Владиміра	4	— 3	1 50	1 —
Василія Великаго	6	— 4	3 —	2 —
Василія и Вукола	4	— 3	1 50	1 —
Зосима и Савватія	4	— 3	1 50	1 —

Св. Николая Чудотворца	4	—	3	150	1	—
Платона Исповѣдника	4	—	3	150	1	—
Св. Пантелеймона	2 $\frac{1}{2}$	—	2	75	—	50
Сергія Радонежскаго	4	—	3	150	1	—
Софіи и 3-хъ ея дочерей	4	—	3	150	1	—
Серафима	4	—	3	150	1	—
Въ память спасенія драгоценной жизни Государя Императора 4 Апрѣля	7	—	6	250	150	
Въ память спасенія драгоценной жизни Государя Императора 25 Мая	7	—	6	250	150	
Иконописные Лицевые Святцы по утверж- деннымъ св. Синодомъ оригиналамъ Академика Солнцева, на большихъ доскахъ, на каждый мѣсяць	10	—	12	90	—	70
Тоже, на маленькихъ доскахъ 48 иконъ на пѣлый годъ	5	—	6	84	—	60
Тоже, на полотнѣ 12 иконъ въ годъ	10	—	12	72	—	54
Тоже, 48 иконъ на годъ	5	—	6	72	—	48
Тоже, на цинкѣ 48 иконъ на годъ	5	—	6	84	—	60

Запрестольные Кресты отъ 25 руб. и болѣе.

Тумбы подъ мраморъ и малахитъ 12 " " "

Планицы 10 " " "

Борты къ планицамъ 20 " " "

Хоругви пара отъ 30 " " "

Напрестольная одежда 30 " " "

Одежда на жертвенникъ и на аналой " 20 " " "

Кромѣ того заведеніе „Метахромотипія“ исполняетъ заказы и на другія иконы, равно принимаетъ заказы на Иконостасы, жестянные свѣчи съ живописью и на прочія церковныя принадлеж-ности.

Пересылка иконъ и другихъ произведеній заведенія Метахромотипіи, а также и укупорка принимается Конторою на счетъ заказчика; при выпискѣ же на 100 рублей и болѣе въ одинъ

разъ, укупорка и доставка на станію желѣзной дороги въ С.-Петербургъ контора принимаетъ на свой счетъ. Въсь полно-го экземпляра святцевъ на доскахъ около 3-хъ пуд.; на холстѣ — 7 ф.; въсь доски размѣра 10—12 верш. 6 ф.; 7—6 вер. 3 ф., 4—6 вер. 1¹/₂ ф.; 3—4 вер. 1¹/₂ фунта.

Примѣчаніе. Иконописные Святцы будутъ высылаться Гг. заказчикамъ со штепелемъ св. Синода, а иконы и другія издѣлія заведенія Метахромотиіи со штепелемъ самаго заведенія въ виду того, что въ продажѣ появляются подражанія, заключающіяся въ томъ, что изображеніе отпечатанное на бумагѣ не переводится на дерево или холстѣ, какъ дѣлается въ заведеніи Метахромотиіи, а приклеивается вмѣстѣ съ бумагой на дерево или холстѣ, отчего при малѣйшей сырости, бумага отстаетъ и изображеніе пропадаетъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени поступить въ продажу Образъ Дванадесятихъ Праздниковъ. Образъ этотъ не только не уступитъ всѣмъ прочимъ произведеніямъ Метахромотиіи, но по красотѣ изданія будетъ стоять гораздо выше. Размѣръ образа 10—12 вершк., цѣна 12 рублей. Подписка принимается въ конторѣ заведенія.

Продаются также рисунки для переводовъ. Цѣны рисункамъ можно приблизительно опредѣлить въ половину противъ цѣнъ назначенныхъ въ прейсъ-курантъ на Икону на деревѣ и простомъ фонѣ. Для выписывающихъ рисунки въ значительномъ количествѣ будетъ сдѣлана уступка.

Контора заведенія покорнѣе проситъ гг. обращающихся съ письменными вопросами въ заведеніе — прилагать почтовые марки.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО ДУХОВНО-УЧИЛИЩНОМУ ВЪДОМ- СТВУ.

Указы Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Указъ Святѣйшаго Синода отъ 21 Октября 1873 года за № 49.
*О допущеніи къ употребленію въ духовныхъ училищахъ
составленныхъ В. Водовозовымъ книги для первоначальнаго
чтенія въ народныхъ школахъ и книги для учителей.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Свя-
тѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Го-
сподиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, за № 116, жур-
наль Учебнаго Комитета, коимъ заключено допустить къ упо-
требленію въ духовныхъ училищахъ, воскресныхъ школахъ при
духовныхъ Семинаріяхъ и въ школахъ церковноприходскихъ: а)
„книгу для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ“ В.
Водовозова, въ качествѣ руководства при обученіи родному языку
и б) „книгу для учителей“ того же автора, какъ полезное дидак-
тическое руководство при употребленіи означенной книги для
первоначальнаго чтенія и вообще при преподаваніи отечествен-
наго языка, съ тѣмъ, чтобы при новомъ изданіи этихъ книгъ съ-
дѣланы были авторомъ указанныя въ журналѣ Комитета исправленія.
Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и, для
объявленія подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства
въ епархіяхъ, препроводить въ копіи при печатныхъ указахъ
Епархіальнымъ Преосвященнымъ самый журналъ Комитета.

Ж У Р Н А Л Ъ

УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ, ЗА № 73.

О составленныхъ В. Водовозовымъ книгѣ для первоначальнаго чтенія
въ народныхъ школахъ и книгѣ для учителей (1871 года. С-Петербургъ).

Составленіе книги для первоначальнаго чтенія въ элементар-
ныхъ школахъ, не смотря на кажущуюся простоту дѣла, пред-

ставляетъ, какъ извѣстно, одну изъ труднѣйшихъ дидактическихъ задачъ. Вопросъ о книгѣ для первоначальнаго чтенія въ настоящее время нельзя считать рѣшеннымъ не только у насъ, но даже и въ заграничной литературѣ; досель объ этомъ вопросѣ высказываются педагогами столь разнорѣчивыя мнѣнія, что даже и согласить ихъ нѣтъ возможности, ибо они взаимно другъ друга отрицаютъ. Одни хотѣли бы сдѣлать изъ книги для чтенія просто сборникъ любопытныхъ свѣдѣнй изъ разныхъ областей чело-вѣческаго знанія, имѣя въ виду одну занимательность книги; другіе наполняютъ книгу для чтенія исключительно поучительными разсказами, преслѣдуя цѣли нравственно-религіознаго воспитанія; третьи въ книгу для чтенія хотѣли бы распространять идеи національныя и племенные, нѣкоторые желали бы представить книгу для чтенія сборникомъ памятниковъ историческаго развитія роднаго языка, иные желали бы сдѣлать изъ нея справочную книгу хозяйственныхъ рецептовъ; но въ то время, какъ одни, съ крайней односторонностью преслѣдуютъ въ книгѣ для чтенія чисто-реальныя цѣли, — другіе, съ такою же односторонностью, ставятъ ей исключительно формальныя задачи языкоученія и т. д. Только въ последнее время изъ указанныхъ крайностей и противорѣчій сталъ выработываться примиряющій средній взглядъ на книгу для чтенія, представителями котораго служатъ Керъ, Любень, Келльнеръ и отчасти Дистервегъ. Взглядъ этотъ представляется наиболѣе разумнымъ. Сущность его заключается въ томъ, что книга для чтенія должна соединять въ себѣ *формальную* цѣль изученія роднаго языка и общаго развитія учащагося, и *реальную* — сообщить ему элементарныя, доступныя дѣтскому возрасту, свѣдѣнія изъ окружающей природы и жизни. Какъ *книга для чтенія*, она прежде всего должна имѣть прямое отношеніе къ развитію искусства *читать*; въ тоже время изъ нея ученикъ долженъ позаимствовать и усвоить себѣ самыя необходимыя формы *роднаго языка*, познакомиться, какъ съ формаль-

ной стороной его, такъ и съ содержаніемъ словъ и предложеній, приобретаая въ тоже время практической навѣкъ излагать устно и письменно свои мысли. Въ этомъ смыслѣ книга для чтенія служить какъ бы *практической* элементарной грамматикой роднаго языка, руководствомъ для упражненія въ правописаніи, устнымъ и письменномъ выраженіи мыслей. Матеріаломъ для этихъ цѣлей, какъ сказано, служатъ элементарныя, общедоступно-изложенныя свѣдѣнія изъ окружающей природы и жизни, которыя, сами по себѣ составляя *полезный запасъ знаній* для дитяти, въ тоже время пробуждаютъ его мысль, возбуждаютъ любознательность, изоцраютъ вниманіе и наблюдательность его взгляда на все окружающее и пр. Удачное соединеніе этихъ цѣлей, конечно, не легко, но потому-то и заслуживаетъ полнаго вниманія всякая добросовѣстная попытка въ этомъ направленіи. Вотъ почему Дистервегъ говоритъ, что „появленіе новой книги для чтенія есть *событіе* въ педагогическомъ мірѣ, а всякая хорошая книга для чтенія есть мирное завоеваніе въ области человѣческой культуры.“ Изъ приведеннаго взгляда также очевидно, что трудъ обработки дѣльной книги для чтенія распадается на *двѣ* одинаково важныя задачи: а) нужно цѣлесообразно *составить самую книгу*, какъ матеріалъ для чтенія и в) дидактически обработать способъ примѣненія ея въ школѣ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что лучшіе опыты въ этомъ родѣ представляютъ непременно двѣ части: книгу для чтенія учащихся и дидактическое къ ней руководство для учителей. Авторъ разбираемыхъ книгъ примыкаетъ къ изложенному выше взгляду на книгу для чтенія, чѣмъ обусловливались и достоинства его труда, нынѣ уже всеми оцененнаго. Несмотря на недавнее появленіе, трудъ г. Водовозова приобрѣлъ уже себѣ почтенную извѣстность; такъ, книга его одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, удостоена преміи отъ С.Петербургскаго педагогическаго общества и почетной медали отъ С.Петербургскаго Комитета грамотности. Конечно,

трудъ г. Водовозова не безъ недостатковъ и промаховъ, но, вообще говоря, онъ обработанъ вполне добросовѣстно, съ знаніемъ дѣла и представляетъ едва ли не лучший опытъ въ этомъ родѣ изъ имѣвшихся у насъ книгъ для чтенія до сего времени, что можно видѣть изъ рассмотрѣнія обѣихъ частей труда г. Водовозова.

I.

Книга для чтенія учащихся по содержанию своему весьма разнообразна. Составъ ея слагается изъ многочисленныхъ статей, стихотворныхъ и прозаическихъ, частію заимствованныхъ, частію написанныхъ составителемъ. Вся статья книги можно, по содержанию, раздѣлить на IX отдѣловъ: къ I-му принадлежатъ рассказы (всѣхъ 14) съ цѣлю первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ окружающими ихъ предметами, каковы: классъ, хата, дворъ, огородъ, звѣри и человекъ, деревья и травы, камень и желѣзо, воздухъ, вода; къ II-му отдѣлу относятся рассказы (отъ 15-го до 42-го, предметъ коихъ заимствованъ изъ естественной исторіи и физики, именно: описательные рассказы о животныхъ, насекомыхъ, деревьяхъ и травахъ, металлахъ и проч., а также о простѣйшихъ и обыденныхъ физическихъ явленіяхъ. Въ III-мъ отдѣлѣ помѣщаются описанія отечественныхъ мѣстностей и промысловъ, статьи (отъ 43-й до 61-й) географическаго характера; въ IV-мъ отдѣлѣ (отъ 62-й до 75-й) статьи, касающіяся разнаго рода производствъ, обработки различныхъ продуктовъ и т. п.; V-й отдѣлъ посвященъ рассказамъ изъ древней русской жизни (6 рассказовъ); VI-й—рассказамъ общаго содержанія, каковы: повѣсти, описанія, игры (отъ 82-й до 100-й): въ VII-мъ аллегоріи, сказки, былины и пр. (11 рассказовъ); въ VIII-мъ стихотворенія, преимущественно описательнаго характера (всего 40 рассказовъ); наконецъ къ IX-му отдѣлу относятся пословицы и загадки. Всего въ книгѣ помѣщено 157 рассказовъ, занимающихъ

286 стр. Итакъ по *содержанію*, книга г. Водовозова отличается полнотою, богатствомъ и разнообразіемъ статей. Правда, что въ изложенномъ распредѣленіи книги на отдѣлы нельзя видѣть строгой системы; но авторъ не держится въ книгѣ изложеннаго порядка, на что онъ имѣетъ свои основанія.

Распредѣленіе учебнаго матеріала сдѣлано авторомъ книги на учебно-дидактическихъ началахъ. Именно, такъ какъ книга для чтенія, по мысли г. Водовозова, сообщая учащимся запасъ интересныхъ и общепользныхъ свѣдѣній, главнымъ образомъ назначается для изученія *роднаго языка*, то онъ и приспособляетъ все содержаніе книги къ упражненіямъ, какія онъ находитъ нужнымъ для сей цѣли и которыя онъ излагаетъ въ руководство для учителей, постепенно, концентрическими кругами, вводя въ обученіе болѣе и болѣе сложные элементы. Такимъ образомъ вся книга у него распадается на *10 рядовъ* различныхъ *упражнений*, постепенно (концентрически) увеличивающихся какъ въ самомъ содержаніи, такъ и въ элементарномъ ознакомленіи съ роднымъ языкомъ. Задача такой концентраціи учебнаго матеріала книги для чтенія, конечно, сложна и трудна, выполнена она не безъ промаховъ и ошибокъ, но какъ первый опытъ въ этомъ родѣ, безотносительно, разсматриваемая книга весьма разумно и практически приспособлена къ занятіямъ въ элементарной школѣ. При такомъ расположеніи матеріала книги ученикъ незамѣтно, шагъ за шагомъ подвигается впередъ, какъ въ формальномъ развитіи, такъ и въ приобрѣтеніи запаса новыхъ познаній. Съ одной стороны, онъ съ каждою новою ступеню расширяетъ свой кругозоръ новыми свѣдѣніями, съ другой, также постепенно приобрѣтаетъ болѣе обширное и подробное ознакомленіе съ формами роднаго языка, съ правописаніемъ, приучаясь въ то же время, на практическихъ упражненіяхъ, къ самостоятельному изложенію мыслей устно и письменно. Такъ какъ эта идея про-

ведена составителемъ чрезъ всю книгу, то послѣдняя поэтому представляетъ довольно полный, связный курсъ элементарной грамматики роднаго языка, расположенный въ педагогической послѣдовательности, съ соблюденіемъ перехода отъ легкаго къ болѣе трудному; слѣдовательно, курсъ для начального школьнаго преподаванія очень удобный. При этомъ составитель даже и въ отношеніи шрифта соблюлъ послѣдовательность. Имѣя въ виду, что книга назначается для первоначальнаго чтенія, онъ весь первый рядъ упражненій напечаталъ крупнымъ шрифтомъ, что нельзя не одобрить. Затѣмъ, что касается достоинства *выбора* и *изложенья* статей книги для чтенія, то весь запасъ ихъ можно раздѣлить на три категоріи въ этомъ отношеніи: а) статьи *вполнѣ удовлетворительныя*, в) *меньше удавшіяся* и с) *неудачныя*. *Неудачныхъ* статей въ книгѣ г. Водовозова сравнительно очень немного. Къ такимъ статьямъ принадлежитъ *первая* „Ваня въ классѣ“. Въ статьѣ этой ни мысли, ни цѣли, ни даже картины нѣтъ. Озябшій Ваня написалъ „*преслѣшнюю* каракульку“ вотъ и все ея *содержаніе*, нисколько не замысловатое, не интересное и даже не смѣшное. Конечно, авторъ допустилъ этотъ „разказъ“, имѣя въ виду, чтобы дѣти, при первомъ чтеніи, поняли каждое слово въ разказѣ, какъ онъ говоритъ, но лучше было бы для этой цѣли написать простенькую же статью о томъ, „Что Ваня дѣлалъ въ первый день въ школѣ“, или „Что есть въ школѣ“, или „Чѣмъ въ школѣ ученики занимаются“ и т. п. Затѣмъ представляется неудачно выбраннымъ отрывокъ изъ сказки Пушкина „о царѣ Салтанѣ“ Какъ царица съ сыномъ плавала въ бочкѣ“. Отрывокъ самъ по себѣ не законченъ; содержаніе имѣетъ фантастическое; связи съ предыдущимъ, да и вообще смысла въ немъ нѣтъ. Другой отрывокъ изъ той же сказки „Корабельщики“ гораздо удачнѣе; въ немъ, покрайней мѣрѣ, есть картина и довольно цѣльная, — описаніе вѣды по морю торговыхъ людей, при томъ же и фантастическій элементъ изъ нея устранилъ. Языкъ

обоихъ отрывковъ легокъ, это смѣлый и бойкій стихъ, которымъ такъ мастерски владѣлъ Пушкинъ. Затѣмъ къ неудачнымъ же слѣдуетъ отнести ст. „Два мужика“, представляющую совершенно безцѣльное вранье. Разсказъ невеликъ (это его единственное достоинство). Повстрѣчались два мужика „здорово, брать!“ — Здорово... Откуда ты? „изъ Ростова“. Не слыхалъ ли чего новаго? „Не слыхалъ“. Говорятъ, Ростовскую мельницу сорвало? — „Нѣтъ, мельница стоитъ, жернова по водѣ плаваютъ, на нихъ собака сидитъ, хвостъ согнувши, — повизгиваетъ, да муку полизываетъ... „А ростовскаго медвѣдя видѣлъ?“ — Видѣлъ. — „Каковъ?“ — Сѣрый. — „Не бредь, это волкъ,“ — У насъ волкъ по лѣсу побѣгиваетъ, ушами подергиваетъ. — „Это заяцъ“ — У насъ заяцъ на дубу сидитъ, да покаркиваетъ. — „Это ворона“ — Воро- на у насъ мычить: му, му! — „Это корова“ — Прощай, по добру по здорову. — Вотъ и вся „сказка“. Въ объясненіи на эту статью въ книгѣ для учителей авторъ спрашиваетъ: „О дѣлѣ толкуютъ мужики?“ Нѣтъ, безъ дѣла, чтобъ о чемъ нибудь потолковать. При этомъ онъ объясняетъ, что-де ростовцы изстари врать го- разды, что про нихъ и пословица есть: „У насъ-ти въ Ростовѣ, чесноку-ти, луку-ти, а навозъ-ти все коневій.“ Все это „не любо- не слушай“, кажется, мало можетъ имѣть образовательнаго смысла и педагогическаго характера. Конечно, авторъ осмысляетъ нѣ- сколько статью съ отрицательной стороны тѣмъ, что заставляетъ дѣтей подумать, можетъ ли жерновъ плавать и пр., и задаетъ имъ „подобрать нѣсколько примѣровъ на то, что дѣлаетъ и чего не дѣлаетъ собака, медвѣдь, волкъ, заяцъ, ворона, корова“, — но для этой цѣли, казалось бы, лучше взять болѣе цѣлесообразную тему. Приведенный разсказъ не можетъ служить и для характе- ристики русской жизни, хотя онъ, можетъ, и вышелъ изъ устъ народа.

Затѣмъ вполне неудачна сказка «Морозко» (стр. 30—31). Въ сказкѣ старикъ, какъ старый «дуракъ», по приказанію мачи-

хи, везетъ выдавать замужъ за Морозко дочь свою въ боръ къ большой соснѣ, откуда она возвращается съ подарками отъ жениха, а посланная затѣмъ дочь старухи (хотя она и называется «злая и балованная», но изъ разсказа это не видно) замерзаетъ. Къ этой сказкѣ авторъ старается примѣнить мораль, что «слѣдуетъ награждать лишь добраго человѣка за его добро, а не того, кто дѣлаетъ что-нибудь (?) изъ-за одной корысти» (кн. для учит. стр. 40), но мораль съ разсказомъ плохо вяжется и сказка вообще не производитъ никакого живаго и цѣльнаго впечатлѣнія.

Не замысловата и статья «Игра въ деревяшки» (стр. 31), совсѣмъ не занимательная для дѣтей. Сказка «Лиса, волкъ и медвѣдь» плохо обработана. Въ ней, между прочимъ, для чего-то выставлены «поповы дочки», которыя «забили волка палками и шкуру съ него сняли себѣ на шубу, а лиса, якобы, «изо лба (sic) кишечки таскаетъ, да и кушаетъ» (стр. 82). Последнюю часть этой сказки совсѣмъ бы слѣдовало выбросить. Что же касается до выдержки изъ поэмы Никитина «Кулакъ» «Какъ воспитывался Лукичъ», то въ ней слишкомъ много жизненной грязи, чтобы вносить ее въ книгу для дѣтскаго чтенія. Разсказъ простъ и живъ, но его нельзя назвать педагогическимъ. Отецъ-пьяница и торгашъ, бьетъ своего сына; сынъ плуруетъ, обманываетъ отца, воруетъ съ дѣтства, свертываетъ головы грачамъ, бьетъ ни въ чемъ неповинныхъ сотоварищей и дѣлается «кулакомъ»: что вынесетъ изъ этой темной картины учащійся? Цѣль внесенія этого разсказа въ книгу для чтенія, сколько можно судить изъ объясненій составителя ея, была — показать, что такое *характеръ* въ человѣкѣ и при какихъ условіяхъ онъ слагается (стр. 133, Кн. для учит.), въ частности, — какъ вообще развиваются люди, называемые «кулаками». Катихизація стихотворенія, сдѣланная весьма удачно (въ Книгѣ для учителей), наглядно раскрываетъ эту тему. Учебный Комитетъ полагаетъ, что не безопасно и во всякомъ случаѣ преждевременно вводить молодых на-

туры въ грязь жизни, знакомить ихъ съ тѣми гадостями и пороками, которые составляютъ больное мѣсто, живую язву общества. Воспитаніе должно идти прежде всего въ *положительномъ* направленіи, оно должно создавать нравственную личность дитяти, увлекать молодыя натуры примѣрами разумной, честной жизни. Вводитъ въ область воспитанія примѣры нравственной грязи и разврата, чтобы возбудить къ нимъ отвращеніе, такъ же справедливо и цѣлесообразно, какъ заставлятъ Илотовъ напиваться до безчувствія и безобразія, въ видахъ отученія юныхъ гражданъ отъ пьянства. Забываютъ одно, что при этомъ глубоко унижается человѣческая личность. Впрочемъ, система отрицательнаго воспитанія до того очевидна въ своей несостоятельности, что излишне останавливаться на ея опроверженіи. Къ числу неудачныхъ статей относится и отрывокъ изъ «Бѣжина зуга» Тургенева «Тришка». Онъ очень живъ и отчасти забавенъ, но чрезъ мѣру переполненъ выраженіями въ родъ: *хоша, напередки дескать, предвиднѣе, откелева, зачнется* (вм. начнется) и т. п. (стр. 257—258). Книга для чтенія должна пріучать дѣтей къ языку правильному, общерусскому. Впрочемъ и въ самомъ рассказѣ замѣтно преувеличеніе, а въ картинахъ аффектація, искусственная густота красокъ. Стряпуха-де, въ ожиданіи «Тришки», всѣ горшки ухватомъ перебила: кому теперь ѣсть, говорить, наступило святопреставленіе». Такъ «*шти*» и потекли. Староста въ канаву залѣзь; старостиха въ *подворотнѣ* (sic) застряла, благимъ матомъ кричить, собаку цѣдную *запужала*; Кузькинъ отецъ, Дорофеичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: *таково-то* всѣ переполошились». Все это очень преувеличено и не естественно, рассчитано на грубый эффектъ. Наконецъ въ отдѣлѣ *пословицъ* и *загадокъ* тоже нѣкоторыя неполнѣ удачно выбраны. Напр., на стр. 22-й помѣщена плоская канцелярская острота: «гдѣ чихнуть пришлось — запятая, гдѣ икнулось — двоеточіе, а гдѣ табуку понюхать — точка», — съ какою цѣлью? Тамъ

же: «Курица иноходица пса излягала»: невразумительно. При- сказка: «Здорово, кума!» Да, на рынкѣ была.— Никакъ глуха?— Купила пѣтуха.— Прощай, кума. «Пять алгынь дала», представ- ляется нимаго не остроумный; если она и заставитъ дѣтей смѣ- яться, то смѣхъ этотъ нельзя назвать хорошимъ. На стр. 51-й бросается въ глаза выраженіе: Эхъ, Пахомъ! Борода-то у тебя съ ворота, а ума съ прикалитокъ. Правду говорить пословица, что „*мужикъ и дешево* (sic) отъ того, что глупъ“.

Къ категоріи статей, хотя хорошихъ, но сравнительно *меньше удавшихся*, слѣдуетъ отнести 1) рассказъ „Антоша“, слабоватый по концепціи, съ подкладкою поучительнаго характера, искусст- венный, а потому и не живой; 2) „Тълежка“ — также не вполне удачный по концепціи и мало интересный въ чтеніи по содер- жанію; 3) ст. „Соня и Коля“, изъ которой естественнѣе всего было бы вывести нравственную истину: „*живи въ мирѣ и — мед- вѣдей не бойся*“. Затѣмъ къ не вполне удачнымъ статьямъ слѣ- дуетъ отнести и ботаническія бесѣды, какова 4-я: „Части рас- тенія и его оплодотвореніе“ (стр. 155), гдѣ дается матеріала слишкомъ много и изложенъ онъ довольно сухо и схематически. Тѣмъ же характеромъ отличаются статьи по географіи: 5) „Сѣ- верная полоса“ (стр. 220). 6) „Средняя полоса“ (стр. 225) 7) „Южная полоса Россіи и Сибирь“. Во всѣхъ этихъ статьяхъ, довольно ограниченныхъ по объему, дано слишкомъ много матері- ала, названій областей, городовъ и мѣстностей, вообще географи- ческой номенклатуры. Правда, что авторъ употребляетъ при этомъ весьма дѣльный пріемъ, именно, онъ какъ бы совершаетъ поѣзд- ку съ своими читателями; но путь выходитъ слишкомъ длиненъ, а масса встрѣчающихся предметовъ до того велика, что утомля- етъ читателя и дѣлаетъ затруднительнымъ ея усвоеніе. Не сов- ѣмъ удачно представляется наконецъ 8) статья „Домо носовъ“, особенно судя по предмету ея, интересному, живому и поучи- тельному; статья не то, чтобы вполне неудачна, но какъ то суха

и не производить надлежащаго впечатлѣнія на читателя. По заглавію можно бы ожидать лучшей.

Для полноты усмотрѣнныхъ въ книгѣ г. Водовозова недостатковъ Комитетъ считаетъ не излишнимъ здѣсь же указать и нѣкоторые частные промахи въ статьяхъ даже очень хорошихъ, въ отношеніи словъ, выраженій, а иногда и мыслей. На стр. 15: „*Сыпте* (вм. съите) въ ниву зерно“. Стр. 25: лошадка „все больше молча глядитъ, да смѣкаетъ“. Почемъ знать, что лошадка смѣкаетъ! Хотя языкъ составителя вообще чистъ, но встрѣчаются иногда выраженія *нутка*, *таково_ловко* (стр. 25), *вишь какой холодище* (вм. сильный холодъ); *вдовеское слово*, *безльпица* (стр. 147), *картошки* (стр. 3) и т. п.; стр. 97 *плясать* вм. прыгать (отъ радости); стр. 119 *крутые* (вм. сильные) морозы; на стр. 81 *ускочила* вм. выскочила; стр. 121 *летающія* (вм. летучія) вещества; стр. 122 „*кожу*, только-что *стянутую* (вм. снятую) съ животнаго“... стр. 141 *словите* вм. поймите; стр. 160: „у клена *два большія крылья* (вм. два большія крыла), стр. 167, — *врачебныя травы* употребляютъ „*и отъ желудка*“, вм. въ желудочныхъ болѣзняхъ. Стр. 200 *люлька* (малор.) вм. трубка. Встрѣчаются, хотя и рѣдко, слова старинныя и мѣстныя напр., *ометъ* (стр. 33), въ пословицахъ: *позаочью*, *съ нужу* и т. п. Вотъ еще нѣкоторые промахи и недосмотры. На стр. 99: *Черное море* похоже на *башмакъ*, *закругленный сзади* — сравненіе это хотя и наглядно, но некрасиво и не совсемъ верно. Тоже нужно сказать и о сравненіи Каспійскаго моря „съ конемъ, что сталъ на дыбы“ (ibid). Стр. 102 „*На костяхъ* (sic) *курицы воткнуты перья*, составляющія *крыло*“. Не прямо же „на костяхъ“ перья воткнуты. На стр. 104: „*всталъ онъ* (дятель), *крѣпко уцѣпился* (опущено за что?), *уперся хвостомъ въ стволъ*“. Стр. 109: *соловей поетъ лучшія пѣсни свои*, чтобы повеселить самку, когда она высиживаетъ птенцовъ“, точно у соловья есть сборникъ пѣсенъ, изъ котораго онъ по-

временамъ выбираеть лучшія. Соловей, конечно, можетъ пѣть иногда хуже, иногда лучше, но поеть всегда, *какъ поется*. Тамъ же: „Ть (птицы), что хорошо поють, *исполняютъ это дѣло съ толкомъ и увлеченіемъ*“, — такъ можно бы выразитя объ оперномъ пѣвцѣ, вообще о пѣвнн человѣческомъ. На стр. 113: зѣмля отдала назадъ съ излишкомъ, что ей довьрено „какъ будто (зная?!)\", что бѣдному человѣку нужно и прокормитя и на посьвъ зерна. Стр. 118: „Ива часто отличается большою *гибкостью*? Ива отличается особенно *хрупкостью*; гибокъ лозникъ. Стр. 134: „Земля на западѣ отъ насъ, гдѣ живутъ нѣмцы, французы, англичане, называется *Европою*, а къ востоку, за Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, идетъ Азія“. И такъ, мы живемъ *не въ Европѣ*, потому что Европа начинается только *на западѣ отъ насъ*... Стр. 168: „На фабрикахъ употребляютъ станокъ *Жокара*, устроенный *такъ* (?), что на немъ можно ткать всякіе узоры“. Фраза эта о предметѣ не даетъ ровно никакого представленія; такихъ фразъ лучше было бы избѣгать. Нѣкоторыя объясненія автора едвали будутъ дѣтямъ доступны, потому что въ нихъ входятъ неизвѣстные имъ элементы. Напр. стр. 250: „Особую породу *глинистаго сланца* составляетъ *шиферъ*, въ немъ глина смѣшана съ кварцомъ, желѣзомъ и углемъ“. Или: поташъ есть соединеніе особаго минерала „кали“ съ углекислою (стр. 287). Селитра состоитъ изъ селитрянной кислоты и минерала кали (стр. 254) и т. п. Встрѣчаются невѣрности. Стр. 173-до Петра русскіе не знали никакихъ наукъ, „и только *вѣрили льшимъ, да вѣдьмамъ*“. Сказано слишкомъ много; *только* здѣсь совершенно неумѣстно. На стр. 192: „птицы *оплодотворили* почву“, — правильнѣе было бы сказать *удобрили*. На стр. 201 приведенные про малороссовъ два анекдота неудачны и не характеристичны; ихъ нужно бы опустить. На стр. 204: „Все, что выкапываютъ изъ земли, что *не двигается* какъ животное, *не растетъ* какъ трава, кустъ или дерево, называютъ

веществомъ ископаемымъ, или минераломъ“. А напр., вырываемыя изъ земли кости мамонта? Да и вообще отрицательныя опредѣленія въ школь неудобны, ибо говоря о томъ, что предметъ *не есть*, они ничего не говорятъ о томъ, что *есть* предметъ, след., никакого опредѣленнаго содержанія не заключаютъ въ себѣ. На стр. 240, говоря, что весною лучи солнца *пряме* падаютъ на землю и отъ того дѣлается теплѣе, авторъ хочетъ пояснить это такимъ примѣромъ: „Держи руку прямо надъ свѣчкой, обожжешься; а поднеси ее со стороны, *сбоку*, будетъ не такъ жарко, потому что лучи падаютъ *вкось*“. Примѣръ этотъ совершенно не отвѣчаетъ дѣлу и никуда не годится. На стр. 39, говоря о томъ, что у коровы 4 желудка, авторъ замѣчаетъ: „Да и то сказать: нужно впрямъ имѣть четыре желудка, *чтобы питаться одною травой*“. Но лошадь травоядное животное, питается травой хотя и не имѣетъ 4-хъ желудковъ“. Наконецъ, нельзя не отмѣтить нѣкоторыя типографскія ошибки, которыхъ въ книгѣ для чтенія вообще желательно было бы избѣгать. На стр. 1-й слитно напечатано *глянулахоозяйка*; *чрепанія* вм. чернанія; стр. 36, 75 и 80 *неискустно*; стр. 80 *пасаться* вм. опасаться (о выпало); стр. 102 *кости* вм. когти, стр. 116 *кленз* вм. клена; стр. 122: *волово* вм. воловій товаръ; *юфтз* вм. юфть; *мяздры* вм. мездры; стр. 130 *полу* вм. полъ; стр. 140 *Полтаса* вм. Полтава. стр. 193, *протечный* вм. проточный; стр. 232: *болгаре* вм. болгары; стр. 236: *мамоятововую* вм. мамонтову, стр. 265 *ладунь* вм. латунь. Итакъ, на 157 статей разсматриваемой книги для чтенія приходится 10 рассказовъ неудачныхъ 8 не вполне удачныхъ.

Изложивъ обстоятельно усмотрѣнные промахи и недостатки въ книгѣ г. Водовозова, Комитетъ считаетъ нужнымъ указать и тѣ ея достоинства, которыя безспорно разсматриваемому труду даютъ право на почетное мѣсто въ нашей педагогической литературѣ. Выше сказано уже было о богатствѣ и разнообразіи со-

держанія книги; въ этомъ отношеніи она удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ. Далѣе, идея расположенія учебнаго матеріала книги, прѣхъ нѣкоторыхъ недостаткахъ выполненія, представляется оригинальною и вполне педагогическою. Остается сказать о выборѣ остальныхъ 130-ти статей, характеръ ихъ обработки и ихъ языкъ. Статьи эти выбраны съ педагогическимъ тактомъ; составитель вообще избѣгалъ мало-содержательныхъ, отвлеченно-поучительныхъ разсказовъ, а равно и сообщенія отрывочныхъ свѣдѣній, излагаемыхъ, какъ это обыкновенно бываетъ, безсвязно, безцѣльнос, сухо. Начиная вообще знакомить дѣтей съ окружающимъ міромъ, онъ постепенно расширяетъ дѣтскій кругозоръ, переходя къ связнымъ разсказамъ о животныхъ, о растеніяхъ, о разнообразныхъ явленіяхъ природы и жизни. При этомъ, не ограничиваясь составленіемъ собственныхъ статей, вообще мастерски обработанныхъ, составитель даетъ прекрасный выборъ стихотвореній, вполне доступныхъ дѣтскому возрасту, содержательныхъ и потому могущихъ служить къ развитію не только вкуса, но и разумнаго нравственнаго чувства. Благодаря внутренней связи разсказовъ, предъ дѣтьми незаметно выясняется связь явленій природы; изучая, въ живыхъ и полныхъ интереса разсказахъ, трудъ человека, учащійся начинаетъ понимать достоинство и цѣль честнаго труда въ жизни; въ этомъ отношеніи авторъ, по его словамъ, преслѣдовалъ ту мысль, „чтобъ учащійся хотя въ общихъ чертахъ созналъ ту истину, что честный трудъ служить средствомъ не только ко всякому улучшенію въ жизни, но и къ соединенію людей въ духъ прямой христіанской любви“. Дѣти должны научиться искренно служить другъ другу и считать это за счастье. Задаваясь этой цѣлью, авторъ нигдѣ не высказываетъ ее въ видѣ сентенцій, морали, требованія, но мысль эта сквозитъ въ его разсказахъ, проникаетъ и согрѣваетъ духомъ животворной любви тѣ факты и явленія жизни, которые могутъ послужить орудіемъ для развитія въ дѣтяхъ братскаго между ними чувства

и любви къ труду. Въ этомъ случаѣ составитель книги обнаружилъ рѣдкій педагогическій тактъ. Далѣе, хотя нѣкоторые изъ рассказовъ онъ направляетъ противъ суевѣрій и предрасудковъ, но, не вступая въ тонъ проповѣдника и обличителя, онъ предоставляетъ учить самимъ фактамъ, вполне справедливо заявляя, что „уничтоженіе суевѣрій болѣе достигается общимъ развитіемъ, чѣмъ отдѣльными объ нихъ толкованіями“ (введ. зтр. IV). Составитель не гоняется за тою узкою и грубою утилитарностью, которую въ наше время иные педагоги желали бы сдѣлать альфой и омегой начального образованія; онъ не даетъ поученій, наставленій, рецептовъ; тѣмъ не менѣе книга его проникнута вся живой идеей практической пользы, тою силою, которая одна устроиваетъ и создаетъ нашу жизнь. Г. Водовозовъ не говоритъ прямо: „береги лѣсъ“; но онъ такъ живо и картинно описываетъ всю пользу и важность лѣса въ хозяйствѣ, что даже ребенокъ самъ пойметъ, что лѣсъ нужно беречь. Такія статьи и такой пріемъ, не имѣя, повидимому, цѣли поучать, въ сущности наставляютъ гораздо больше и сильнѣе, чѣмъ тѣ статьи, которыя имѣютъ прямую цѣль учить. Наставленія, даже самыя лучшія, были и будутъ *понятіями*, а живое изображеніе предмета, дѣйствуя прямо на чувства, возбуждаетъ самостоятельную мысль читателя, раждаетъ въ немъ *убѣжденіе*; понятіе отвлеченно, оно остается въ головѣ и не выходитъ за порогъ школы; а убѣжденіе живо, конкретно и прямо идетъ въ жизнь. При этомъ авторъ не дѣлаетъ приспособленія своей книги, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, къ этой или другой сельской школѣ, къ школѣ того или другаго училищнаго округа, но онъ имѣлъ въ виду элементарное образованіе и *начальную школу вообще*, вслѣдствіе чего книга его примѣнима дѣйствительно ко всякой народной школѣ. Особенно выдающуюся и вполне общеобразовательную черту книги г. Водовозова составляетъ неподдѣльная любовь къ природѣ, которая проникаетъ всю книгу и сообщаетъ ей пріятельный колоритъ.

II.

Но книга г. Водовозова приобретает особенную важность для школы темъ, что къ ней еще приспособлено прекрасное дидактическое руководство для учителей, съ подробнымъ изъясненіемъ, какъ пользоваться статьями для чтенія цѣлесообразно, вполне педагогически. „Книга для учителей“ сама по себѣ составляетъ капитальное приобрѣтеніе для нашей педагогической литературы. По богатству содержанія, по мастерской обработкѣ, по обилію упражненій, наконецъ, по весьма удачной педагогической системѣ развитія даннаго матеріала, книга эта далеко превосходитъ всѣ опыты предшествовавшіе ей и гораздо выше стоитъ книги, напр., Корфа. Видно, что авторъ не только воспользовался темъ богатымъ матеріаломъ, какой представляетъ для этой цѣли литература заграничная, но и самъ добросовѣстно работалъ надъ своею задачей. Въ составъ „книги для учителей“ входятъ: а) объясненія на каждую изъ статей, касающіяся приемовъ нагляднаго обученія, содержанія, языка и слога, б) упражненія въ правописаніи и элементарный курсъ русской грамматики; в) упражненія въ составленіи плана сочиненій и элементарныя объясненія главнѣйшихъ формъ его; г) упражненія въ черченіи, и наконецъ е) масса разнаго рода практическихъ указаній вообще, какъ вести дѣло обученія родному языку въ предѣлахъ элементарнаго курса, при чемъ авторъ ограничивается преимущественно этимологіей.

Предварительно обозрѣнія каждаго изъ этихъ упражненій, не лишнимъ представляется охарактеризовать вообще отношеніе автора въ его дидактическихъ совѣтахъ къ учителю.

Г. Водовозовъ далекъ отъ мысли видѣть въ учителя механическаго подражателя даннымъ образцамъ приемовъ обученія въ книгѣ для учащихся, какъ это дѣлаетъ, напр., б. Корфъ. Совершенно напротивъ, авторъ разбираемой книги прежде всего имѣетъ въ виду самостоятельность учителя, и давая послѣднему массу

материала и образцы его обработки, онъ только освѣщаетъ тотъ путь, по которому долженъ идти дѣльный наставникъ. „Нѣкоторые могутъ возразить, говорить авторъ, что мы даемъ слишкомъ много матеріала, — больше, чѣмъ сколько наша сельская школа, въ настоящемъ ея состояніи, можетъ сообщить. Но, вопервыхъ, многое не представляетъ такого неудобства, какъ малое: толковый преподаватель изъ многого всегда сумѣетъ выбрать то, что въ данномъ случаѣ или болѣе необходимо, или что объяснить возможно. Во вторыхъ, мы имѣли въ виду не ту или другую школу въ частности, но народную школу вообще, и должны были такъ сдѣлать, чтобы хотя сколько-нибудь удовлетворить требованіямъ элементарнаго образованія. „Избытокъ не скудость, запасъ не наглядь“, говоритъ пословица, было бы изъ чего выбрать; а въ этомъ отношеніи книга г. Водовозова не стѣснить учителя.

Далѣе, говоря о необходимости, послѣ катехизаціи, приводить въ порядокъ содержаніе статей для чтенія и сообщая свои образцы для этой цѣли, авторъ говоритъ, что „въ этомъ случаѣ нельзя указывать точнаго (и обязательнаго) плана занятія: тутъ все зависитъ не только отъ общаго развитія учащихся, но и отъ того или другаго круга усвоенныхъ ими представленій“..... Такимъ образомъ авторъ въ собственномъ смыслѣ руководить учителя, отнюдь не стѣсняя его мелочными предписаніями, не требуя отъ него рабскаго подчиненія данному образцу. Но особенно хорошо авторъ изъясняетъ требованія наглядности въ начальномъ обученіи, недостаткомъ чего вообще страдаютъ наши школы и въ частности приготовительные классы нашихъ духовныхъ училищъ. Въ дѣльномъ учителѣ г. Водовозовѣ предполагаетъ особое расположеніе къ наглядности въ обученіи, „стремленіе — представить просто и наглядно то, что въ наукѣ кажется хитрымъ и мудренымъ“. Мастерское и замѣчательно-живое изображеніе этого стремленія и средствъ его достиженія, изложенное во введеніи къ книгѣ для учащихся (стр. VII—IX), по справедливости заслужи-

ваетъ особеннаго вниманія учителей. Вообще въ отношеніяхъ своихъ къ учителю г. Водовозовъ является вполне опытнымъ руководителемъ, обладающимъ достаточнымъ педагогическимъ тактомъ.

Выше сказано было, что въ основѣ дидактической системы, принятой г. Водовозовымъ, лежитъ элементарный курсъ роднаго языка; согласно съ этимъ и обработка образцовъ располагается по главнымъ ступенямъ въ занятіяхъ языкомъ, именно: практическія упражненія при чтеніи статей идутъ въ такомъ порядкѣ: „1) *чтеніе и объясненіе* статьи; 2) *дѣленіе* ея на *части*, съ указаніемъ *связи* ихъ между собою; 3) *объясненія словъ и выраженій* въ ихъ зависимости отъ содержанія статьи; 4) *связное и правильное изустное и письменное* изложеніе прочитаннаго; 5) *составленіе* собственнаго плана на темы о знакомыхъ предметахъ и 6) *сочиненія* по плану составленному учащимися“ (введ. X стр.). Противъ этого распредѣленія упражненій можно возразить, конечно, что оно слишкомъ велико, обширно для начальной школы; но если не мѣрять задачъ школы объемомъ того, что дѣлается и что достигается въ нашихъ школахъ неблагоустроенныхъ, то начертанный планъ обученія родному языку окажется отнюдь не превышающимъ средствъ и начальной школы, по крайней мѣрѣ таково мнѣніе лучшихъ педагоговъ нѣмецкихъ, посвятившихъ труды свои обработкѣ „книги для чтенія“ съ тою же цѣлю—обученію родному языку въ элементарной школѣ. (*) Воззрѣнія г. Водовозова на обработку образцовъ его книги для чтенія столь близки къ воззрѣніямъ современныхъ германскихъ педагоговъ, что его идеи можно комментировать выдержками изъ послѣднихъ. Вотъ напр., мнѣніе объ этомъ предметѣ Любена: „Исходнымъ пунктомъ и цѣлю обработки образца (*eines Muster-stiecks*), говоритъ онъ, должно быть полное пониманіе его. При этомъ необходимо наблю-

(*) Напр. Любена «въ его книгѣ для чтенія» и «въ руководствѣ» *Grundsätze und Lehrgänge für den Sprach- und Leseunterricht* 3-те verbesserte Aufl. Leipz 1868.

дать, чтобы ребенокъ уразумѣлъ каждое встрѣчающееся въ статьѣ выраженіе, чтобы каждое понятіе было для него ясно, чтобы онъ въ состояніи былъ связать дѣйствіе и причину, основаніе и послѣдствія явленій, характеръ лицъ и состояній, упражняясь въ логическомъ ходѣ мыслей и выводѣ общихъ понятій. Катихизація образцовъ должна совершаться по одному опредѣленному плану“. Затѣмъ устные упражненія идутъ также и письменно (*schriftlich*), но учитель долженъ строго ограничиваться тѣмъ, что даютъ образцы и отнюдь не вносить сюда что-либо постороннее“. *Соответственно* этимъ основаніямъ, Любень даетъ и планъ первыхъ упражненій, вполне примѣнимый къ книгѣ г. Водовозова и отчасти раскрывающій и дополняющій его воззрѣнія; именно, при чтеніи статей дѣлаются: а) повторительное чтеніе образца; б) катихизація его содержанія; в) разъясненіе непонятныхъ выраженій; д) передача содержанія, при устномъ изложеніи, связанная съ упражненіемъ въ рассказъ; е) изложеніе логическаго хода мыслей; ф) характеристика лицъ и положеній; г) отысканіе основной мысли. Каждое изъ этихъ упражненій можно найти въ книгѣ г. Водовозова и притомъ въ мастерской обработкѣ. „Книга для учителей“, какъ и „книга для чтенія“, какъ уже замѣчено, раздѣляется на *ряды* упражненій, которыя систематически концентрируются по ступенямъ постепеннаго ознакомленія съ родною рѣчью; „объясненія на содержаніе статей“ составляютъ первый отдѣлъ каждаго ряда. Для характеристики труда г. Водовозова необходимо прослѣдить ихъ во всей книгѣ и привести факты.

Слѣдуя выше высказаннымъ воззрѣніямъ, авторъ въ объясненія статей при чтеніи прежде всего заботился, чтобы дѣти вѣрно поняли прочитанное. Для этой цѣли онъ даетъ рядъ вопросовъ изъ содержанія прочитанной статьи, сообщая иногда объясненія и въ положительной формѣ. Вотъ, напр., какъ объясняется стихотвореніе „Нива“: „Это складная пѣсенка. Зачѣмъ здѣсь сказано: „Нива моя, нива?“ Развѣ можно звать ниву, разговаривать съ

нивой? Вѣдь нива не можетъ намъ отвѣтить. — Мы такъ заводимъ рѣчь и съ камнемъ, и съ лѣсомъ, и съ животнымъ, когда камень, лѣсъ, животное намъ чѣмъ-нибудь дороги. Вѣрно слышали вы, какъ говорятъ съ ласкою: „ты коровушка моя, буреная!“ „Ахъ вы, темные мои лѣсочки!“ А чѣмъ же можетъ нравиться, чѣмъ дорога намъ нива? — отъ чего сказано: Нива золотая“ — спѣлыя колосья желтаго цвѣта и отливаютъ на солнцѣ будто золото. — За чѣмъ сказано: „зрѣешь ты на солнцѣ?“ — Какъ сказать иначе „наливая колось.“ Какъ могутъ ходить на нивѣ волны? — Нива отъ вѣтра колышется (волнуется) будто волнами. — Что можно видѣть иногда надъ нивой? Гдѣ жаворонокъ вѣетъ гнѣзда? Какая это градовая туча? Опасна она, или нѣтъ для нивы? — О какихъ людскихъ заботахъ не знаетъ нива?“ — и пр. Катихизація заключаетъ пересказомъ „Нивы“ своими словами. Въ такомъ родѣ для каждой статьи авторъ даетъ поясненія. Въ дальнѣйшихъ катихизаціяхъ авторъ мало по малу приучаетъ дѣтей раздѣлять содержаніе статьи на части и затѣмъ излагать его въ видѣ связнаго собственнаго разсказа, что служитъ переходомъ и къ письменной его передачѣ, которая уже не можетъ затруднить дѣтей, вполне сознательно и отчетливо усвоившихъ содержаніе данной статьи. Что касается языка объясненій, то онъ также простъ и доступенъ, какъ и языкъ статей книги для чтенія. Вообще, руководясь образцами объяснительнаго чтенія г. Водовозова, каждый дѣльный наставникъ русскаго языка можетъ прекрасно вести дѣло свое и съ успѣхомъ достигать цѣли. Письменные упражненія г. Водовозовъ также организуетъ съ должною постепенностью, при чемъ работы на тему по плану, составленному учащимися, даются только въ концѣ курса.

Что касается темъ для послѣднихъ упражненій, предложенныхъ авторомъ для облегченія учителя (введ. стр. X—XIV); то выборъ ихъ нельзя не одобрить, за немногими развѣ исключеніями.

Такъ тема: Указать, какъ при разномъ устройствѣ зубовъ, животныя употребляютъ различную пищу, и ведутъ различный образъ жизни“ едва ли по силамъ ученику, тѣмъ болѣе, что книга для чтенія не даетъ для обработки ея достаточно матеріала. Тема: „Какія вещи можно добывать въ природѣ и гдѣ ихъ добываютъ“ слишкомъ широка по содержанію и недостаточно определенно выражена. Тоже слѣдуетъ сказать и о темѣ: „Опиши все, изъ чего состоитъ поверхность земли“. Вопросъ же: „Что нужно человѣку, чтобы быть здоровымъ“ — прямо не по силамъ ребенку; на него и взрослый не всякій отвѣтитъ. Требовать, чтобы ученикъ рассказалъ, что, по его мнѣнію, всего красивѣе въ свѣтъ“ — едва ли педагогично. Во первыхъ, кругозоръ ребенка не великъ, а во вторыхъ, и самое понятіе „красиваго“ для него еще не выяснилось; и такъ ему остается или сказать что-нибудь наобумъ, или говорить фразы, — то и другое зло въ воспитаніи. Вообще, желательно избѣгать всѣхъ темъ общаго характера, широкихъ по содержанію или неопределенныхъ по выраженію и потому вызывающихъ схоластику. Напр., на тему: „Чего можно добиться трудомъ?“ Ученикъ можетъ отвѣтить: „Всего можно добиться трудомъ“ — и будетъ правъ; отвѣтъ будетъ равенъ вопросу по своей неопределенности. Впрочемъ, за исключеніемъ указанныхъ, остальные темы не безъ пользы могутъ послужить для учителя.

Рядомъ съ изложенными упражненіями идутъ „упражненія грамматическія“. 10-ть рядовъ этихъ упражненій, по мысли автора, представляютъ довольно полный и законченный элементарный курсъ русскаго языка, преимущественно этимологіи.

Въ послѣднихъ рядахъ упражненій грамматическія объясненія и правила сообщаются авторомъ въ связной послѣдовательности, монологически. Чтобы учитель не соблазнился этою формою и не вздумалъ ей слѣдовать въ преподаваніи, авторъ напоминаетъ пре-

подавателю, что приведенныя правила слѣдуетъ излагать учащимся не такъ, какъ они въ этихъ рядахъ упражненій изложены, а „постепенно выводить изъ примѣровъ“. Этимъ совѣтомъ заключается книга г. Водовозова. Самъ авторъ вездѣ остался вѣренъ *практическому методу* преподаванія, — эта черта составляетъ лучшую сторону книги. При томъ способѣ обученія родному языку, какой разработанъ г. Водовозовымъ, никакое „долбленіе“, механическое „затверживаніе“ правилъ, не возможно. Это также заслуга для школы нашей, гдѣ до сихъ поръ еще гнѣздятся старыя схоластическія приемы. *Объясненія* автора живы, наглядны, просты, доступны для каждаго — условія весьма важныя для руководства въ начальномъ обученіи. Наконецъ, что касается научной вѣрности грамматическихъ объясненій автора и правилъ, сообщаемыхъ имъ въ книгѣ для учителей, то въ этомъ отношеніи г. Водовозова слѣдуетъ признать безукоризненнымъ.

Не смотря однакоже на изложенныя выше достоинства „Книги для учителей“ г. Водовозова, есть въ ней и недостатки, нѣкоторыя опущенія и пробѣлы, а также излишества. а) Первый недостатокъ этой части труда г. Водовозова, безъ сомнѣнія, тотъ, что нѣкоторыя изъ пояснительныхъ статей его представляются *не вполне выдержанными*; въ однихъ замѣчается, хотя и не отдаленное, но все же отступленіе отъ темы даннаго разсказа; въ другихъ замѣтно многословіе, чрезмѣрное обиліе вопросовъ, иногда по существу дѣла почти излишнихъ; да едвали и нужно было наполнять катихизаціями всѣ ряды упражненій въ книгѣ, достаточно было бы и гораздо меньшаго числа образцовъ. Такимъ образомъ нужно бы катихизацію 1-й ст. сократить; катихизацію ст. „Хата“ урѣзать, опустивъ разсказъ о городскихъ домахъ, о паркеть (который инья дѣти и во всю жизнь не увидятъ) и пр.; въ катихизаціи ст. „Дворъ“ есть излишества въ перечисленіи животныхъ, птицъ и т. п. Вообще нѣкоторое сокращеніе поясненій и даже уменьшеніе числа катихизацій послужило бы несомнѣнно въ пользу

достоинства книги г. Водовозова. б) Вовторыхъ, было бы весьма желательно и для учителей весьма полезно, рядомъ съ практическими примѣрами и образцами обработки статей для чтенія въ классъ, дать хотя бы коротенькое общее изложеніе основаній и *плана* такой обработки, которымъ бы наставники могли руководиться и въ практикѣ. Конечно, быть можетъ, это и не входило въ задачу автора, но нельзя не признать это опущеніе пробѣломъ, который, въ интересахъ дѣла, желательно было бы пополнить. Образцы такихъ плановъ можно встрѣтить у Дистервега, Кера, Накке, Любена, и вообще у всѣхъ лучшихъ авторовъ, занимавшихся обработкой „книгъ для чтенія“. Фактъ этотъ говорить и самъ по себѣ въ пользу практичности предлагаемаго пополненія почтеннаго труда г. Водовозова. Не нужно забывать, что многіе учителя, по недостатку развитія и самостоятельности, даже вопреки намъренію автора, рабски могутъ слѣдить за образцами книги для учителей, не задавая себѣ задачи подумать объ основаніяхъ своего труда; а если бы были приложены общія соображенія, въ силу которыхъ признается наилучшею та или другая форма объясненій читаемыхъ въ классъ статей, то многіе могли бы идти и самостоятельно въ этомъ направленіи.

в) Другое опущеніе въ этой части книги для учителей представляется не менѣе важнымъ и желательнымъ для пополненія. Именно, опущеніе изложенія *правилъ логическаго чтенія*, со смысломъ, выразительнаго. Конечно, авторъ можетъ сказать, что онъ предоставляетъ это чтеніе „азбукъ“ или „первой книжкѣ“, но это будетъ едвали справедливо. Въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, что „книга для чтенія“ прежде всего должна послужить развитію *искусства читать*. А пріобрѣтеніе этого искусства не такъ легко, какъ кажется, и вовсе нельзя думать, чтобы можно было усвоить его, изучая азбуку. Читать легко и бѣгло не значитъ еще читать *хорошо*; даже и толковое чтеніе не всегда удовлетворяетъ требованіямъ чтенія хорошаго. А между тѣмъ на эту сторону давно бы

слѣдовало обратить особенное вниманіе.

Всѣмъ, кто только слѣдилъ и слѣдитъ у насъ за дѣломъ обученія, извѣстно, какъ мало у насъ хорошихъ чтецовъ, какъ плохо идетъ и поставлено это искусство въ нашихъ классахъ. Искусство логическаго и эвфоническаго чтенія нашимъ учителямъ почти неизвѣстно.

Тѣмъ важнѣе дать имъ въ этомъ отношеніи обстоятельныя руководящія указанія. Г. Водовозовъ коснулся этого предмета только слегка, мимоходомъ. Такъ въ первомъ ряду упражненій онъ требуетъ, чтобъ учащіеся „совершенно ясно произносили каждое слово и въ словѣ каждую букву“, далѣе, чтобы дѣти при чтеніи останавливались на знакахъ препинанія (стр. 15), но этимъ и ограничиваются всѣ его совѣты, а это очень мало. Чтеніе отчетливое и бойкое принадлежитъ еще механизму искусства читать. Чтеніе логическое и эвфоническое требуетъ особеннаго руководства. При послѣднемъ чтеніи нужно обращать вниманіе на силу и высоту тона, на временныя остановки, на соответствіе звуковаго выраженія характеру и силѣ содержанія и проч.

Не только у насъ, но и за границей (за исключеніемъ „Новаго свѣта“, гдѣ декламация всегда составляла предметъ заботливаго преподаванія въ школахъ) долго логическое чтеніе оставалось въ пренебреженіи. „Учителя наши, пишетъ Дистервегъ, прежде совсѣмъ не были знакомы съ правилами чтенія. Чтеніе и обученіе чтенію состояло въ прочитываніи и повтореніи прочитаннаго. Ученикъ подражалъ тому, что дѣлалъ учитель, или болѣе упражнявшійся другой ученикъ; сами же учителя или совсѣмъ не имѣли понятія объ основаніяхъ и правилахъ этого дѣла, или знали кое-что, во всякомъ сдучаѣ мало и недостаточно. Руководство для учителей въ употребленіи книги для школьнаго чтенія можетъ оказать пособіе учителямъ народныхъ школъ; пользуясь руководствомъ, учителя съ яснѣмъ сознаніемъ будутъ выполнять то, что прежде дѣлали на удачу“. „Было время, говоритъ онъ

далее, когда послѣ обученія механическому чтенію, что стоило тяжелыхъ трудовъ и для учениковъ, и для учителя,—дальнѣйшее чтеніе считалось забавой, часы чтенія—часами отдыха, а напряженіе силы при этомъ сводилось къ нулю. Ученики читали по одиночкѣ и по скамьямъ; учитель ходилъ взадъ и впередъ, дѣлая замѣчанія относительно запятой или точки, или просматривая ученическія работы, а иногда занимаясь даже тѣмъ, что не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ чтенію“. Въ Германіи это „было“, хотя и не давно, а у насъ и теперь такъ дѣло *ведется*, и долго еще будетъ идти по старинѣ, пока не будетъ сообщено учителямъ о томъ, какъ важно и какія задачи имѣетъ чтеніе логическое и эвфоническое, особенно же какими путемъ, какими приемами учить ему учениковъ. Въ Германіи, какъ скоро замѣченъ былъ этотъ пробѣлъ, явилась цѣлая масса пособій въ этомъ направленіи, у насъ же пока ничего въ этомъ родѣ еще нѣтъ и пополнить этотъ пробѣлъ, безъ сомнѣнія, лежитъ прежде всего на обязанности составителей дидактическихъ руководствъ для учащихся родному языку въ школь. (*) Г. Водовозовъ оказалъ бы нашей школь весьма важную услугу, дополнивъ свою прекрасную „Книгу для учителей“ обстоятельнымъ изложеніемъ правилъ логическаго и эвфоническаго чтенія и способовъ, какъ ему обучать.

г) Наконецъ, должно замѣтить, что грамматическій курсъ, предлагаемый г. Водовозовымъ, слишкомъ *обширенъ*, а отчасти и слишкомъ *подробенъ* для начальной школы. Конечно, „запасъ не наладъ“, но во всемъ должна быть мѣра, свои границы. Объемъ элементарнаго курса долженъ сообразоваться съ тѣми условіями, которыя даны школь, иначе, взявшись за многое, мы рискуемъ не достигнуть и малаго. Замѣчаніе это относится, впрочемъ, только къ послѣднимъ рядамъ упражненій, тѣмъ не мѣнѣе не мѣшаетъ

(*) Въ матеріалъ для обработки правилъ и приемовъ обученія логическому и эвфоническому чтенію не будетъ недостатка.

учителямъ имѣть его въ виду. Такимъ образомъ въ VII-мъ ряду упражненій можно бы сократить свѣдѣнія о стихосложеніи, ограничившись чисто эмпирическимъ ознакомленіемъ съ мѣрною рѣчью посредствомъ заучиванія стиховъ, безъ различія стопъ и ихъ дѣленій; равнымъ образомъ изъясненіе дѣйствія воображенія могло бы быть выпущено, такъ какъ едвали дѣти правильно и поймутъ роль воображенія въ поэзіи; объясненіе метафоры тоже можно бы спустить. Въ VIII мѣ ряду подробности о родахъ и видахъ „сочиненій“ также съ удобствомъ можно бы выпустить, — это предметъ болѣе обширнаго курса среднихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ элементарной школы. Здѣсь довольно было бы ограничиться самыми общими свѣдѣніями о томъ, что такое сочиненіе и какъ оно пишется. Грамматическія объясненія въ этомъ ряду упражненій (изложеніе системы склоненій) также слишкомъ подробны, что, съ одной стороны, будетъ мѣшать отчетливости усвоенія склоненій на этой ступени, съ другой безъ нужды обременить учащихся. Также слѣдуетъ сказать и о двухъ послѣднихъ рядахъ упражненій. Въ нихъ много лишняго. Въ различеніи различныхъ родовъ сочиненій авторъ продолжаетъ знакомить дѣтей съ родами историческихъ сочиненій, съ разсужденіямъ, повѣстями, говоритъ о драмѣ, лирикѣ и эпосѣ; о научномъ наблюденіи и пр. Все это можно бы съ удобствомъ опустить, грамматическія же объясненія послѣднихъ рядовъ представляются весьма сложными для дѣтей; при этомъ авторъ даже знакомитъ ихъ съ свойствами славянскаго языка и стариннаго русскаго, обращаясь къ сравненію новыхъ формъ нашего языка съ старыми. Все это очень хорошо, но для элементарнаго курса представляется излишнимъ. Конечно, если

Задача эта прекрасно и очень обстоятельно обработана у Дистервега, въ его *Wegweiser* Ъ, гдѣ помѣщенъ и довольно подробный перечень работъ нѣмецкихъ педагоговъ въ этой области. Дистервегъ рекомендуетъ, между прочимъ, особенно трудъ Браубаха: *Neues ABC als erstes Lese-Lehr- und Lehrbuch für Schule und Haus*—Gießen.

бы достало времени и силъ у учащихся усвоить вполнѣ весь курсъ роднаго языка по книгѣ г. Водовозова, это было бы прекрасно; но въ возможности этого позволительно сомнѣваться. Соображаясь съ временемъ, первые шесть рядовъ упражненій можно изучать и безъ выпусковъ, а остальные четыре — съ сокращеніями. Впрочемъ, и самъ авторъ не противъ этого, такъ какъ онъ, предлагая обильный матеріалъ для учителя, отнюдь не стѣсняетъ его въ выборъ и расположеніи грамматическихъ объясненій при обученіи; нужно только, чтобъ учитель не опускалъ изъ виду границы и условій курса начальной школы.

д) Наконецъ и въ этой части труда г. Водовозова замѣчаются нѣкоторые частные недосмотры и промахи. На стр. 8: «ружьѣ, неводъ, силокъ *есть* (вм. *суть*) орудія для охоты».... На стр. 10: «*часто* можно видѣть, какъ высокая скала свѣсилась надъ водою, а внизу волны проточили въ ней цѣлую пещеру». Часто въ Финляндіи, напр.; но въ иныхъ мѣстахъ очень рѣдко. На стр. 12: «Вѣтеръ въ морѣ дуетъ на просторѣ, его тамъ не задержать ни лѣсъ, ни дома, ни холмы». По смыслу рѣчи выхвистать, что на морѣ будто есть лѣсъ, дома и холмы, только они не въ силахъ *задержать* вѣтеръ. На стр. 15: Вопросительный знакъ, — значить, спрашиваетъ; восклицательный, — значить восклицаетъ. Это тождество, а не *объясненіе*. Иногда встрѣчаются въ рѣчи слова и выраженія — *дескать* (стр. 16) *долгъ* (вм. дыханіе) *закиваютъ* (вм. закачаются) деревья (стр. 22), лошадь самый полезный *звѣрь* (вм. животное), и т. п., не вполнѣ отвѣчающія дѣлу. Выраженіе «складная рѣчь» вм. стихи также едва ли удачно. Складною рѣчью называется вообще рѣчь связная, толковая, а стихи лучше бы назвать «мѣрною рѣчью». На стр. 40: «вода всегда лежитъ *прямо*», — нужно бы сказать *ровно*. На стр. 51: трава (на покосѣ) ложится *шумными* рядами; лучше бы сказать «густыми». На стр. 53: «простой человекъ думаетъ, что всякая бѣда за грѣхи», — но такъ думаетъ и не одинъ «простой человекъ». Это выраженіе лучше бы выпустить.

Стр. 55: „Встарину *одна* Москва была столицею.“ Не *одна* Москва, а еще раньше Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ. Стр. 65: березынька съ зеленою корой. У березы кора бѣлая, — вѣроятно, *косой*. Стр. 66: „Фосфоръ отъ *малѣйшаго сотрясенія* загорается самъ собой“ — сказано слишкомъ много. Фосфоръ, конечно, горючъ, и можетъ воспламениться, просто лежа на воздухъ, безъ всякаго сотрясенія; но отъ „малѣйшаго сотрясенія“ онъ положительно не загорится. На стр. 70, говоря о различіи кошки отъ собаки, авторъ замѣчаетъ, что кошка и тѣмъ отличается, что у ней „въ глазахъ зрачки сжимаются и расширяются,“ — но это общее свойство всѣхъ животныхъ; нужно бы обратить вниманіе на самое устройство зрачка у кошки. На стр. 72: „предметъ можно узнать, разобравъ хорошенько его признали, то есть, качества и дѣйствія. Все это понявъ, мы получаемъ понятіе о предметъ.“ Это не такъ. На стр. 141: „жельзо и мѣдь окисляются, *вбираютъ въ себя* (?) кислородъ изъ воздуха.“ Это не научно сказано, невѣрно. Тамъ же: „Уголь есть во всѣхъ тѣлахъ, которыя горять; но его мы не видимъ, пока не зажжемъ тѣло: горьніе и есть не что иное, какъ выдѣленіе угля изъ тѣла при соединеніи его (угля или тѣла?) съ кислородомъ.“ И это невѣрно. Окисленіе, конечно, есть горьніе; но тѣла могутъ окисляться (горѣть) и не имѣя угля, — напр., натрій въ чистомъ видѣ; да и жельзо, освобожденное отъ угля, тоже будетъ горѣть (окисляться); и горьніе вовсе не есть непременно „выдѣленіе угля изъ тѣла, при соединеніи его съ кислородомъ.“ Затѣмъ въ книгѣ встрѣчаются и корректорскія ошибки; но такъ какъ онъ въ „Книгѣ для учителей“ совсѣмъ не имѣютъ того значенія, какое имѣютъ въ „книгѣ для чтенія учащихся,“ то перечисленіе ихъ представляется излишнимъ, да притомъ же ихъ и немного.

Итакъ, книги г. Водовозова, обладая несомнѣнно важными педагогическими достоинствами, въ тоже время не свободны и отъ нѣкоторыхъ промаховъ, недостатковъ. Тѣмъ не менѣе, срав-

нивая эти труды съ тѣмъ, что есть у насъ по этой части, нельзя не признать, что они значительно превосходятъ все, что до сихъ поръ появлялось въ этой отрасли нашей педагогической литературы. Недостатки книгъ г. Водовозова легко исправимы и устраняемы; а достоинства ихъ таковы, что введеніе сихъ книгъ въ наши школы весьма желательно; особенно незамѣнимымъ пособіемъ они могутъ быть для нашихъ приготовительныхъ классовъ.

На основаніи вышеизложеннаго, Учебный Комитетъ полагалъ бы: 1) „Книгу для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ“ — В. Водовозова допустить къ употребленію въ духовныхъ училищахъ, въ воскресныхъ школахъ при духовныхъ семинаріяхъ и въ школахъ церковно-приходскихъ, въ качествѣ руководства при обученіи родному языку; 2) „Книгу для учителей“ — того же автора рекомендовать учителямъ русскаго языка въ означенныхъ училищахъ и школахъ, особенно же учителямъ приготовительныхъ классовъ при училищахъ, какъ полезное дидактическое руководство при употребленіи поименованной „книги для первоначальнаго чтенія“ и вообще при преподаваніи отечественнаго языка и 3) предложить составителю названныхъ книгъ — г. Водовозову, при второмъ изданіи оныхъ, сдѣлать въ нихъ потребныя исправленія, согласно сдѣланнымъ Комитетомъ замѣчаніямъ.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. ОБЕРЪ—ПРОКУРОРА СВЯТѢЙШАГО СУНОДА ПО ДУХОВНОМУ ВѢДОМСТВУ ЗА 1872 ГОДЪ.

(Въ сокращеніи).

Миссіонерская дѣятельность въ якутской епархіи.

Труды миссіонеровъ якутской епархіи направлены были главнымъ образомъ къ утвержденію въ истинной вѣрѣ воспріявшихъ уже св. крещеніе тунгусовъ и якутовъ. Изъ четырехъ походныхъ священниковъ, назначенныхъ для этой цѣли, въ минувшемъ

году дѣйствовали трое (четвертый по болѣзни не могъ совершать своего служенія). Они объѣзжали стойбища и улусы крещенныхъ инородцевъ, совершали для нихъ богослуженія, освящали ихъ таинствами и вообще назидали ихъ въ вѣрѣ и христіанской жизни. Одинъ изъ походныхъ священниковъ въ отчетъ своемъ за минувшій годъ донесъ преосвященному якутскому, что онъ въ своихъ миссіонерскихъ путешествіяхъ между прочимъ встрѣтилъ два тунгусскія христіанскія семейства, изъ коихъ одно 4 года, а другое 15 лѣтъ не видало священника и не было освящаемо христіанскими таинствами. Въ послѣднемъ семействѣ дѣти оставались некрещенными, хотя и воспитывались въ христіанскихъ понятіяхъ, насколько они были доступны для ихъ родителей. Подобныя явленія показываютъ, какъ, при кочевомъ образѣ жизни якутовъ и тунгусовъ, велико значеніе походныхъ церквей и ихъ священниковъ.

Между инородцами якутской области, непросвѣщенными евангельскимъ ученіемъ, всего болѣе находится чукчей. Для обращенія ихъ къ свѣту вѣры Христовой существуетъ чаунская миссія. Но она въ теченіе двухъ лѣтъ не имѣла постоянного миссіонера, и только въ минувшемъ году избранный въ это званіе якутскимъ преосвященнымъ священникъ, послѣ чрезвычайныхъ затрудненій въ пути, продолжавшихся болѣе года, прибылъ въ предѣлы своего служенія. Вступленіе въ миссіонерскую должность этого священнослужителя, проникнутаго, по отзывамъ преосвященнаго якутскаго, истиннымъ миссіонерскимъ призваніемъ, — ознаменовалось благими послѣдствіями. Посѣтивъ Анюйскую крѣпость, онъ здѣсь обратилъ къ истинной вѣрѣ 11 человекъ чукчей. Въ Нижнеколымскѣ онъ образовалъ школу, въ которую собралъ 11 мальчиковъ.

Миссіонерская дѣятельность въ камчатской епархіи.

Въ предѣлахъ камчатской епархіи находилось семь миссій: корейская, гольдская, гиляцкая, негидальская, чукотская; коряк-

ская, и олюторская. Наиболее значительный успѣхъ христіанская проповѣдь имѣла между корейцами, что объясняется народнымъ характеромъ этихъ переселенцевъ, ихъ осѣдлымъ образомъ жизни, ихъ симпатіею къ русскимъ и желаніемъ войти съ послѣдними въ ближайшія связи. Между корейцами въ отчетномъ году дѣйствовали три миссіонера: два — въ южно-уссурійскомъ краѣ, на мѣстѣ первоначальнаго корейскаго поселенія и одинъ среди корейцевъ, переселенныхъ въ 1871 году изъ южно-уссурійскаго края на рѣку Самару, впадающую въ Амуръ. Трудями этихъ дѣятелей просвѣщено св. крещеніемъ 931 человекъ, въ томъ числѣ 531 человекъ мужскаго и 400 женскаго пола. По отзывамъ миссіонеровъ, корейцы-язычники, внимательно выслушивая проповѣдь евангельскую, принимаютъ св. крещеніе только тогда, когда, по собственному убѣжденію, поняли основныя истины христіанства. Между тѣмъ, корейцы, сами медлительные въ принятіи христіанства, заявляютъ желанія, чтобъ малолѣтнія дѣти ихъ немедленно были просвѣщаемы св. крещеніемъ. Поэтому между корейцами много семействъ, въ которыхъ родители язычники, а дѣти — христіане, и что особенно замѣчательно, остающіеся въ язычествѣ родители много заботятся о христіанскомъ образованіи своихъ дѣтей. Принявшіе же христіанство отличаются ревностію къ возродившей ихъ вѣрѣ, довѣрчивостію и преданностію къ своимъ духовнымъ руководителямъ, и искреннимъ желаніемъ полнѣе усвоить и примѣнить къ своей жизни христіанскія начала. Въ этихъ добрыхъ качествахъ корейскихъ христіанъ имѣлъ утѣшеніе убѣдиться преосвященный комчатскій, посѣтившій въ минувшемъ году главныя поселенія корейцевъ и въ южно-уссурійскомъ краѣ и на рѣкѣ Самарѣ. Свою ревность по вѣрѣ онъ между прочимъ, выражаетъ въ пожертвованіяхъ, и личнымъ трудомъ и деньгами, на постройку въ своихъ поселеніяхъ часовенъ, замѣняющихъ въ приамурскомъ краѣ церкви, которыхъ число тамъ вообще весьма ограничено.

Такъ, на примѣръ, для построенія часовни въ селеніи Корсаковкѣ (на р. Суйфунъ) мѣстные корейцы обложили свое общество по одному рублю съ дома и собрали на этотъ предметъ около 200 рублей; кромѣ того сами доставляли матеріалъ и производили работы. Подобнымъ образомъ въ отчетномъ году было сооружено и освящено три часовни и приступлено къ построенію еще двухъ. Корейцы оказываютъ стремленіе и къ школьному образованію: въ трехъ корейскихъ училищахъ обучалось 107 мальчиковъ, и въ благовѣщенскомъ духовномъ училищѣ 4 мальчика изъ корейцевъ.

Гольдская миссія дѣйствуетъ въ средней части Амура съ его притоками, отъ Хинганскаго хребта до г. Софійска. Гольды — самое многочисленное племя между амурскими туземцами. Въ минувшемъ году просвѣщено св. крещеніемъ 437 человекъ гольдскаго племени. Въ томъ же году положено начало и обращенію кочующихъ по рѣкѣ Сунгари орочанъ, которыхъ просвѣщено св. крещеніемъ 65 человекъ. Крестившій орочанъ миссіонеръ составилъ *словарь* орочанскаго нарѣчія (въ 1000 словъ), который по отзыву преосвященнаго камчатскаго, можетъ быть полезенъ для миссіонеровъ, имѣющихъ дѣйствовать среди сихъ инородцевъ.

Дѣйствіями прочихъ пяти миссіонерствъ камчатской епархіи въ минувшемъ году обращено къ истинной вѣрѣ негидальцевъ 66 человекъ, гилаковъ 31, чукчей 14.

Всего же, въ минувшемъ году, камчатская паства увеличилась чрезъ просвѣщеніе св. крещеніемъ инородцевъ на 1.550 человекъ.

На содержаніе миссіи въ камчатской епархіи имѣлось въ 1872 году 5.374 руб. 58¹/₄ коп. Въ томъ числѣ было: прислано совѣтомъ миссіонерскаго общества въ пособіе миссіямъ 3.200 руб. и собранныхъ комитетомъ сего общества въ Благовѣщенскѣ 1.409 руб.

Японская миссія.

Къ камчатской епархіи причислена учрежденная въ 1870 году русская духовная миссія въ Японіи.

Эту миссію составляли начальникъ ея архимандритъ Николай и іеромонахъ Анатолій, вступившій въ свое служеніе въ январь 1872 года. Къ составу миссіи нужно отнести также нѣсколько катихизаторовъ изъ природныхъ японцевъ, которые распространяютъ первыя понятія о христіанствѣ между своими единоплеменниками. Самый ревностный изъ нихъ Павелъ Савабе проникъ въ Едо столицу Микадо, и успѣлъ тамъ посѣять сѣмена святой вѣры, обѣщающія обильный плодъ. Тамъ же, въ столицѣ Микадо, провелъ большую часть 1872 года и начальникъ миссіи архимандритъ Николай, съ цѣлью открыть новый миссіонерскій станъ.

Такъ какъ въ Японіи, не смотря на вѣротерпимость нынѣшняго японскаго правительства, доселѣ остается неотмѣненнымъ изданный 250 лѣтъ назадъ законъ о смертной казни всѣхъ христіанъ, то наша миссія должна была дѣйствовать, и дѣйствовала въ дѣлѣ обращенія японцевъ съ крайнею осторожностью. При всемъ томъ, въ первой половинѣ минувшаго года (за вторую свѣдѣній не получено) до 100 человекъ просвѣщены св. крещеніемъ; число же готовящихся къ оному и вообще вѣрующихъ доходило до 500 человекъ. Но сколь осторожно ни дѣйствовала миссія, слухъ о распространеніи христіанской вѣры не могъ не дойти до туземнаго правительства, и юная японская Церковь въ минувшемъ году потерпѣла испытаніе. Первоначально, въ мартѣ мѣсяцѣ, открылось гоненіе на принявшихъ православное христіанство въ Сендаѣ, на островѣ Нипонѣ. Катихизаторъ Павелъ Савабе, вмѣстѣ съ другими восемью болѣе ревностными христіанами, былъ заключенъ въ тюрьму; до 120 человекъ были требуемы къ допросу и отданы на поруки. Затѣмъ, въ концѣ апрѣля, въ субботу на Пасхѣ, началось преслѣдованіе христіанъ въ Хакодате; но по представленіямъ нашего консула, по ходатайствамъ предъ высшими японскими властями въ Едо начальника миссіи, наконецъ.

вслѣдствіе рѣшительнаго протеста мѣстной печати, преслѣдованіе японскихъ христіанъ было прекращено (въ концѣ іюня); заключенные въ крѣпости и тюрьмѣ христіане, не исключая и Павла Савабе, освобождены по предписанію высшаго правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещено провинціальнымъ японскимъ властямъ впредь предпринимать какія либо мѣры противъ христіанъ безъ предварительнаго донесенія правительству и его разрѣшенія. Но вслѣдъ за изданіемъ этого постановленія, довольно благопріятнаго для успѣховъ православнаго христіанства въ Японіи, состоялось распоряженіе, нанесшее чувствительную потерю нашей миссіи: правительствомъ предписано было выслать изъ Хакодате всѣхъ христіанъ, прибывшихъ туда изъ другихъ областей, и въ силу этого предписанія два катихизатора, нѣсколько литографовъ, занимавшихся печатаніемъ книгъ, переводимыхъ миссіею на японскій языкъ, и нѣсколько учениковъ миссіонерской школы, всего 10 человекъ, должны были оставить Хакодате. Стъ удаленіемъ ихъ, миссія лишалась лучшихъ своихъ помощниковъ въ дѣлѣ проповѣди и должна была прекратить, хотя на время, самое изданіе христіанскихъ книгъ.

Недавно построенная попеченіемъ начальника миссіи православная церковь въ Хакодате отличается внѣшнимъ и внутреннимъ благолѣпіемъ и привлекаетъ значительное число японцевъ, христіанъ и язычниковъ. Богослуженіе въ ней совершается на славянскомъ языкѣ: но Евангеліе и Апостолъ читаются по-славянски и японски. Равнымъ образомъ на томъ и на другомъ языкѣ поютъ нѣкоторыя молитвы: „Святый Боже“, „Отче нашъ“ и „Символъ вѣры“. Такъ было сдѣлано и при совершеніи въ этой церкви литургіи преосвященнымъ камчатскимъ въ день Успенія Божіей Матери. Къ церковному цѣнью постепенно приучаются и сами японцы.

При миссіи въ Хакодате существуетъ школа, въ которой японцы, христіане и язычники, обучаются русскому языку.

(Продолженіе будетъ).

ПОДОЛЬСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

15 Мая. № 10. 1874 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ОБЪ УКРАШЕНІИ ХРИСТІАНСКИХЪ ХРАМОВЪ СВЯЩЕН- НЫМИ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ.

(Продолженіе)

*Историческія свѣдѣнія о христіанской иконографіи отъ
начала IV вѣка до нашихъ временъ.*

1) *Христіанская иконографія въ церкви греческой.* Со времени принятія Константиномъ В. христіанства для изобразительнаго искусства, открывается широкое поле въ видахъ возможно изящнѣйшей и поразительнѣйшей обстановки церковнаго богослуженія. Церковная живопись изъ мрачныхъ подземельевъ вышла въ открытые храмы и пошла быстро по пути развитія. Это развитіе происходило въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, настало благоприятное время оставить символическія формы и перейти къ

натуралистическимъ. По словамъ отцевъ 6-го вселенскаго собора (1), иконопись должна была служить къ доказательству дѣйствительности воплощенія Бога Слова. Слѣд. натурализмъ въ церковной живописи былъ явленіемъ и вполне законнымъ и вполне необходимымъ. Лица и событія, послужившія основаніемъ христіанской религіи, должны были изображаться такъ, чтобы они являлись зрителю какъ бы дѣйствительными лицами и событіями. Въ вторыхъ развитіе церковной живописи состояло въ усовершенствованіи технической стороны: потому что натурализмъ въ живописи требуетъ большаго искусства въ исполненіи, чѣмъ символизмъ, — и кромѣ того, на служеніе христіанскому искусству стали посвящать свои силы болѣе искусные художники.

Въ IV в. иконописаніе сдѣлало такіе успѣхи, что въ христіанскихъ храмахъ не только выставались лики Спасителя и святыхъ, писанные отдѣльно, но и многосложныя историческія картины. Св. Григорій Нисскій упоминаетъ объ изображеніи на одной иконѣ св. мученика Θεодора со всею обстановкою его мученической смерти (2). Въ пятомъ вѣкѣ обычай украшать иконами храмы былъ уже всеобщимъ, что видно изъ того, что онъ сохранился даже до настоящаго времени у несторіанъ и евтихіанъ, издревле отторгшихся отъ общенія съ прав. Церковью. Печальныя условія настали для иконописанія въ началѣ VIII вѣка въ царствованіе Льва Исаврянина и продолжались во все время иконоборства: тогда не только не писались новыя иконы, но даже истреблялись уже существовавшія; такъ напр., Императоръ Левъ Исавръ лично сокрушилъ икону Спасителя, стоявшую на главныхъ вратахъ одного изъ константинопольскихъ храмовъ. Также много вреда нанесли иконописному искусству магометане, начиная съ VII в., признавая себя орудіемъ Промысла къ истребленію

(1) Прав. 82: Дабы и искусствомъ живописанія очамъ всѣхъ представляемо было совершенное, повелѣваемъ и проч.

(2) Слово въ похвалу мученику Θεодору.

идолопоклонничества, они повсюду сокрушали иконы въ христіанскихъ областяхъ, покоряемыхъ силою ихъ оружія.

По прекращеніи иконоборства въ концѣ 9 вѣка христіанская иконографія возраждается, но уже не достигаетъ того совершенства, въ какомъ она находилась въ свой цвѣтушій періодъ, обнимающій 4-й, 5-й и 6-й вѣка, и притомъ возраждается не надолго, едва на полтора столѣтія. Затѣмъ всю дальнѣйшую исторію греческой иконописи, начиная съ II-го вѣка и до позднѣйшихъ временъ, кратко можно представить въ слѣдующемъ видѣ: 1) живопись почти во весь этотъ долгій періодъ находится въ упадкѣ: причиною этому служили многочисленныя бѣдствія, внутреннія и внѣшнія, пережитыя за это время византійскою имперіею; и бѣдствія эти, разумѣется, отражались на состояніи церкви. 2) Съ того времени какъ крестоносцы овладѣли Константинополемъ, многіе христіанскіе художники поспѣшили уйти въ разныя другія мѣста, христіанское живописное искусство нашло себѣ пріютъ на Аѳонской горѣ въ монастырскихъ обителяхъ; и тамъ было время, (XVI в.), когда церковное иконописаніе было поднято до значительной высоты знаменитымъ аѳонскимъ живописцемъ Панселиномъ. Отъ этой внѣшней исторіи перейдемъ къ ближайшему ознакомленію съ характеромъ произведеній греческаго иконописнаго искусства, обыкновенно именуемаго византійскимъ, и представимъ характеристику его въ двухъ главныхъ эпохахъ его историческаго бытія, — въ эпоху процвѣтанія и въ эпоху упадка.

Что и какъ изображали на иконахъ византійскіе художники?

Главнѣйшимъ идеаломъ, который византійскіе художники старались воспроизводить на иконахъ было Второе Лице Пресвятыя Троицы. Спасителя изображали двоякимъ образомъ. Первымъ типомъ служилъ Нерукотворенный Образъ Эдесскій, представлявшій только главу и лице Спасителя. Вторымъ типомъ было изображеніе Богочеловѣка на иконахъ во весь ростъ. Въ послѣд-

немъ случаѣ иконописцы руководствовались частію преданіемъ наружнаго вида Спасителя, находящимся у Публія Лентула, который, какъ говорятъ, былъ проконсуломъ при царѣ Иродѣ іудейскомъ. Главнѣйшими моментами изъ жизни Спасителя, воспроизводимыми на византійскихъ иконахъ, было: крещеніе, преображеніе, страданіе, воскресеніе и вознесеніе Его на Небо. Если живописцу трудно представить лице чловѣка обыкновеннаго; то сколько трудностей и при томъ величайшихъ должно встрѣтиться иконописцу въ изображеніи Сына Бжія, который хотя приобщился природы чловѣческой, но въ то же время, не преставаая быть Богомъ, необходимо отражалъ въ Своемъ лицѣ и эти божественныя черты! Потому такой идеаль въ живописи вполне осуществити невозможно; но насколько это доступно для чловѣческихъ средствъ, настолько византійскіе художники старались приблизиться къ этому идеалу, и изображеніями Спасителя составили себѣ прочную славу.

Другимъ идеаломъ византійской иконописи была Пресвятая Дѣва Марія. Въ изображеніи ея лика старались отразити ея высокія нравственныя совершенства. По словамъ св. Амвросія, въ пренепорочной Матери, какъ въ зеркаль, отражались чистота и добродѣтель, и самый видъ тѣла Ея былъ изображеніемъ мудрости и правоты.

Что касается изображеній ангеловъ, то кромѣ тѣхъ атрибутовъ, о которыхъ мы говорили выше, византійскіе иконописцы еще присоединили нѣкоторыя особенныя черты: 1) они представляли ангеловъ въ діакономъ облаченіи, опоясанными ораремъ, которымъ на плечахъ и груди образуется крестъ. Ангелы хотя не являлись никому въ діакономъ облаченіи, но подобныя изображенія допускались на основаніи того, что въ церковной іерархіи діаконы при совершеніи священнодѣйствій, по таинственному изъясненію, образуютъ собою служеніе на небесахъ ангеловъ. 2) Часто изображались ангелы въ видѣ младенческихъ головъ съ

крыльями. 3) Иногда представлялись ангелы подъ различными мистическими формами, подъ какими являлись они въ виднѣяхъ пророковъ. Наконецъ греческіе иконописцы прославились изображеніями святыхъ, напр., ветхозавѣтныхъ патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, преподобныхъ женъ, дѣвъ и др., благоугодившихъ Богу.

Какими достоинствами и недостатками отличались труды византійскихъ иконописцевъ и по какимъ признакамъ можно отличать иконы византійскаго стиля? Христіанское искусство, заимствовавши классическія понятія о прекрасномъ, должно было въ извѣстной степени измѣнить ихъ въ области иконописанія, чтобы привести ихъ въ соотвѣтствіе съ идеями откровенія. Оно искало главнымъ образомъ красоты нравственной. Слѣд. въ области христіанской иконографіи красота должна была выражаться по преимуществу въ головѣ, и лицѣ, а не въ общихъ формахъ человеческого организма, какъ думали греческіе эстетика. Такимъ образомъ греческое иконописное искусство въ извѣстномъ отношеніи стало даже богаче и возвышеннѣе классическаго, — это именно въ отношеніи къ той красотѣ, которая дѣйствуетъ на душу своею возвышенною внутреннею стороною. Византійскіе иконописцы въ лицахъ святыхъ старались изобразить красоту нравственную, которая бы возбуждала въ зрителяхъ мысли и чувства благочестивыя. Такъ какъ святые изъ любви къ Богу переносили безчисленные труды, изнуренія, скорби, гоненія, преслѣдованія, постоянно пребывали въ постѣ, молитвахъ и бдѣніи; то въ иконахъ византійскаго стиля на лицахъ ихъ отражается изнуреніе, смиреніе, терпѣніе и кротость; тѣла ихъ представляются истощенными подвигами. Далѣе, щадя скромность благочестиваго христіанскаго чувства, греческіе иконописцы старались по возможности избѣгать обнаженія частей человеческого тѣла и прибѣгали къ этому въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, какъ напр. на иконахъ св. мучениковъ и мученицъ, иконахъ, представляющихъ ихъ стра-

дальшескіе подвиги. Наконецъ чрезвычайно важное достоинство византійской иконописи составляетъ историческая вѣрность и правдивость въ изображеніи святыхъ ликовъ, ихъ одеждъ, облаченій и т. д. Иконы византійскаго стиля до того были наглядны, что, такъ сказать, представляли зрителя переживать самый моментъ событія. Главная особенность византійской исторической иконописи состоитъ въ томъ, что она, воспроизводя дѣйствующія лица въ возможно натуральномъ видѣ, подраздѣляетъ содержаніе иконы на нѣсколько моментовъ, что зависѣло отъ желанія иконописца воспроизвести событіе во всей его полнотѣ.

Что касается состоянія иконописанія въ періодъ упадка византійскаго искусства, то можно сказать, что оно отличалось болѣе недостатками, чѣмъ достоинствами. Почти все оригиналы этой эпохи сочинялись дурно и выполнялись безъ соблюденія правилъ классическаго искусства. Искусство поставило задачей не столько воспроизвести историческое событіе, сколько выразить догматъ; образы его по этому стали болѣе символами, чѣмъ живыми образами. Главными недостатками иконописанія греческаго за этотъ періодъ признаются слѣдующіе: въ фигурахъ удлиненная пропорція, обнаруживающая незнаніе анатоміи поверхностей человѣческаго тѣла, единообразіе въ лицахъ, доходящее до величайшаго сходства лицъ, написанныхъ на одной иконѣ, не соблюденіе перспективы и безыскусственное сочетаніе свѣта и тѣни, не искусственность драпировки въ одеждахъ. Иконопись аѳонская, пріютившись въ стѣнахъ монастырскихъ, и сама получила характеръ монастырскій, аскетическій, она подчинилась строгости богословскаго ученія, ставъ съ исключительностію выраженіемъ догмата. Панселинъ нѣсколько поднялъ иконописаніе, внесши въ произведенія иконописи пропорціональность фигуръ, подражательность натурѣ и изящество отдѣлки, отличавшіе византійскій стиль лучшаго времени.

До сихъ поръ мы представили историческій ходъ высшаго

и внутренняго развитія византійской живописи и представили только въ главныххъ и общиххъ чертахъ. Но для полноты историческаго представленія и для надлежащей оцѣнки и пониманія иконъ византійскаго стиля, необходимо еще обратить вниманіе на общія принадлежности иконъ, или иконографическіе знаки, а также на роды и виды церковно-живописнаго искусства.

Иконографическіе знаки византійскаго стиля; виды византійской живописи.

Необходимыми принадлежностями византійскихъ иконъ был и подпись, нимбъ, ореоль и слава (сіяніе).

Для обозначенія лица, изображеніе котораго представлялось, византійскіе иконописцы употребляли всегда подпись, буквы которой обыкновенно располагались одни надъ другою по отвѣсной линіи. Употребленіе подписей, очевидно, есть подражаніе приемамъ классическаго искусства лучшихъ греческихъ художниковъ.

Нимбъ могъ имѣть формы различныя, но по большей части это былъ видъ круга или диска, очерчивающаго голову. Нимбъ, какъ символъ славы и могущества, употреблялся еще у языческихъ народовъ, напр. при изображеніи боговъ (въ особенности Феба) и на портретахъ императоровъ. Заимствуя этотъ символъ, христіане придали ему свое значеніе, и именно: указанные идеи перенесли на порядокъ духовный и посредствомъ нимба стали выражать славу, величіе, власть и блаженство, понимаемая въ духовномъ смыслѣ. На святость и чистоту ликовъ указываетъ золотой цвѣтъ круга нимба, какъ такой цвѣтъ, который наиболее соответствуетъ блеску свѣта.

Нимбъ усвоился: Лицамъ Пресвятыя Троицы, Пресвятой Дѣвѣ, ангеламъ, святымъ, также тѣмъ животнымъ, которыя символизируютъ Лица божественныхъ и святыхъ.

Для отличія отъ нимбовъ святыхъ нимбъ Иисуса Христа изображали съ крестомъ въ срединѣ, образуемымъ чрезъ пресѣченіе двухъ

діаметровъ подь прямымъ угломъ, но впрочемъ безъ нижняго конца лінії отвѣсной. Такой трехконечный крестъ входилъ также иногда въ составъ нимба другихъ лицъ Пр. Троицы. На Востокъ въ крестообразномъ нимбѣ писали слова: ѿ Ѡу, Суцій,—на Западъ—VCSX. Въ средніе вѣка иногда въ самомъ нимбѣ писали подпись имени изображаемаго лица. Нимбъ въ формѣ тригольниковъ, усвоился въ особенности изображенію Бога Отца.

Указанныя формы нимба были въ самомъ обширномъ употребленіи у греческихъ иконописцевъ, чего нельзя сказать объ иконописи Западной.

Ореоль есть украшеніе такого же рода какъ и нимбъ, только распространенное на весь корпусъ; онъ имѣетъ форму эллиптическую, или приближающуюся къ правильному кругу,—а иногда онъ образуется изъ свѣта и пламени безъ опредѣленныхъ контуровъ. Ореоломъ окружали изображенія Бога и Пресв. Дѣвы Маріи, но святымъ онъ усвоился очень рѣдко. Ореоль употреблялся рѣже, чѣмъ нимбъ и характеризуетъ собою иконы, писанныя между X-мъ и XV-мъ вѣками. Послѣ XV вѣка опредѣленные лініи ореола переходятъ въ неопредѣленные контуры представляющіе свѣтовые лучи или пламеняющую атмосферу, которой форма болѣе или менѣе приближается къ формѣ цѣлаго изображенія. Соединеніе нимба и ореола въ общемъ видѣ представляетъ такъ называемое сіяніе (славу).

Греческіе художники, славились въ живописи фресковой, энкавстической и мозаической.

Фресковая живопись есть живопись по сырой штукатуркѣ: она засыхаетъ вмѣстѣ съ верхнимъ слоемъ цемента штукатурки и раздѣляетъ съ нимъ продолжительность своего существованія. У древнихъ верхній слой тщательно полировался и обладалъ удивительною прочностію: можно было отламывать цѣльные куски, не портя фресковаго изображенія. Самый способъ фресковой живописи состоялъ въ слѣдующемъ: первый слой штукатурки при-

крѣпился къ шереховатой поверхности стѣны, — онъ состоялъ изъ песку и извести. Когда онъ высыхалъ, чертили на немъ главныя линіи предполагаемаго изображенія. Потомъ наводили второй, очень тонкій слой штукатурки, и, пока онъ былъ еще сыроватъ, по немъ дополняли всѣ частности изображенія. Фресковая живопись имѣетъ то преимущество, что при своемъ матовомъ цвѣтѣ она не въ такой степени отражаетъ свѣтъ, какъ иконы, писанныя масляными красками. Но она ниже въ другихъ отношеніяхъ: такъ напр. по причинѣ быстрого засыханія она требуетъ отъ художника слишкомъ поспѣшной работы, — она не принимаетъ нѣкоторыхъ красокъ вслѣдствіе дѣйствія на нихъ извести.

Тайна энкавстической живописи, долгое время бывшая загадкою, послѣ долгихъ и усиленныхъ изслѣдованій ученыхъ наконецъ разъяснилась; и мы знаемъ, что энкавстическая живопись состояла въ слѣдующемъ: воскъ и краски смѣшивались съ различными смолистыми веществами: камедью, твердою горною смолою, мастикою и ладаномъ, все это образовывало клейкую массу, которую въ фрескѣ занимала известь. Совершенно сухая стѣна покрывалась своимъ масломъ, потомъ вторымъ слоемъ, составленнымъ изъ греческой смолы, мастики или др. подобныхъ веществъ. Жаровня, которой гладкая передняя поверхность приставлялась къ стѣнкѣ, расплавляя всѣ эти смолистыя вещества, заставляла ихъ проникать въ стѣну (въ верхній слой). Тогда наводили грунтъ состоящій изъ воска, мастики и другаго обыкновенно бѣлаго вещества. Наконецъ художникъ по этому грунту исполнялъ свое произведеніе, безъ содѣйствія огня, сваривши предварительно краски въ водѣ съ примѣсью смолы и воска. По окончаніи изображенія живописецъ наводилъ его лакомъ и переходилъ къ кавтеризаціи, посредствомъ тойже жаровни. Теплота, проникая лакъ, изображеніе, грунтъ и слой предварительный, образовывала нечто единое, состоящее изъ смолистыхъ матерій: отсюда названіе: энкавстическій, т. е. чрезъ внутреннее прожиганіе. Наконецъ, все это

полировалось, чрезъ что поверхность пріобрѣтала блескъ мрамора. Изображеніе, гарантированное воскомъ и смолою отъ внутренней сырости стѣнъ и отъ соприкосновенія съ воздухомъ, оставалось блестящимъ и неизгладимымъ.

Наибольшую извѣстностію пользовалась византійскія мозаика. Мозаикою (по латыни *musirum opus*) называется такое живописное произведеніе, которое составлено изъ совокупности маленькихъ кубиковъ веществъ твердыхъ и различно окрашенныхъ. Сюда принадлежали: камень, мраморъ, стекло и массы искусственныя, приготовленныя болѣе или менѣе тонкими пластинками. Всѣ эти вещества, соединенныя между собою и прикрѣпленныя къ твердому основанію мастикою, могутъ представить по цвѣту и рисунку всѣ роды фигуръ. Самое названіе мозаика нѣкоторыя производятъ отъ еврейскаго слова, которое означаетъ смѣсь.

Мозаику употребляли еще египтяне. У народовъ восточныхъ позаимствовали ее греки и римляне. Со временъ Константина Великаго христіанство усвоило для своихъ храмовъ блистательныя мозаическія украшенія, и нѣтъ почти ни одной большой древней базилики ни на Западъ, ни на Востокъ, не украшенной мозаикою въ 4-мъ и слѣдующихъ вѣкахъ. Мозаическія изображенія встрѣчаются особенно въ абсидѣ (1), куполѣ, сводахъ и западной стѣнѣ базиликъ. Византійскіе художники раньше западныхъ познакомились съ мозаическимъ искусствомъ и особенно употребляли мозаику по золотому полю и съ изображеніями исполинскихъ размѣровъ. Въ этомъ выразилось вліяніе восточной фантазіи, которое въ области церковной живописи не менѣе отпечатлѣлось, какъ и въ области церковной архитектуры. Исполинскія изображенія и притомъ по золотому полю стали типическимъ украшеніемъ храмовъ со времени построенія храма Софійскаго

(1) Въ древнихъ храмахъ, перестроенныхъ изъ базиликъ, абсидомъ называлась полукруглая стѣна алтарной части, та, гдѣ въ настоящее время-горнее мѣсто.

въ Константинополѣ въ царствованіе Юстиніана. Тамъ „въ алтарь была изображена Божія Матерь въ исполинскомъ видѣ, сидящая на престолѣ, съ благословляющимъ младенцемъ — Спасителемъ; по сторонамъ ея апостолы Петръ и Павелъ; надъ нею нерукотворенная икона Спасителя, съ двумя ангелами по сторонамъ. Въ сводѣ купола изображенъ былъ Спаситель, сидящій на радугѣ, а подѣ куполомъ, на тригольникахъ между арками, четыре херувима. Надъ большими входными дверьми съ Запада внутри церкви также было изображеніе Спасителя, сидящаго и благословлящаго припавшаго къ ногамъ его императора“ (2). Софійскій храмъ, бывшій типомъ архитектурнаго стиля для византійскихъ зодчихъ, былъ также образцемъ и для византійской живописи. Что касается технической стороны мозаики, то она состояла въ слѣдующемъ: сначала приготовляли посредствомъ плавки и шлифовки указанныя твердыя вещества, потомъ цементъ или мастику, состоящую изъ извести, толченаго мрамора, воды и бѣлка яичнаго. Потомъ отъ стѣны, предназначенной для украшенія, отнимали известную часть штукатурки и закладывали ее слоемъ приготовленной мастики, далѣе живописецъ погружалъ въ эту мастику маленькіе кусочки камня, стекла, эмали и проч. смотря по тому, что онъ хотѣлъ воспроизвести. Изображеніе было готово, когда мастика засыхала. Не смотря на такой, невиданому несовершенный способъ, изображенія мозаическія бывали иногда такъ совершенны, что обманывали глазъ; по словамъ Чампини, иногда представляется, что все изображеніе составлено изъ цѣльнаго куска и краски расположились какъ бы однимъ взмахомъ кисти. Кроме того, о мозаической живописи должно сказать, что изъ всѣхъ родовъ живописи она есть самая прочная: менѣе другихъ она поддается вліянію воздуха и дѣйствию твердыхъ тѣлъ.

Кромѣ указанныхъ родовъ живописи, византійскіе художники писали свои произведенія на доскахъ, стеклѣ, полотнѣ, но здѣсь

(2) Религіозная монументальность, Лашкарева, стр. 62.

уже они были меньше славны, чѣмъ въ своей знаменитой мозаикѣ. Работы ихъ вообще отличались прочностію и яркостію красокъ, гармоніей тоновъ и изяществомъ рисунка.

Въ заключеніе характеристики византійскаго иконописанія мы приведемъ не лишенное справедливости и мѣткости мнѣніе объ этомъ предметѣ западнаго археолога Годарда. Сказавши о содержаніи одного древняго сочиненія: „руководство къ живописи“, весьма распространеннаго у грековъ, и 1845 года переведеннаго Дидрономъ на французскій языкъ, авторъ говоритъ: „при помощи этого манускрипта, котораго копии были распространены во многихъ мастерскихъ, греческіе художники покрывали своими произведениями христіанскіе храмы, съ величайшимъ искусствомъ. Соборная церковь „Панагіи-Фанеромени“ въ Саламинѣ украшена болѣе чѣмъ 3500 ликовъ священныхъ. Въ этомъ отношеніи, т. е. по множеству изображеній существуетъ аналогія между церквами византійскими и нашими латинскими кафедральными соборами..... Безчисленное множество произведеній исполненныхъ греками и ловкость и быстрота ихъ кисти объясняются механическими приѣмами, которые выработывались цѣлыми вѣками. Тотъ самый сюжетъ вездѣ исполнялся одинаковымъ способомъ. Ни время, ни мѣсто ничего не значатъ для искусства греческаго; XVIII в. иконописецъ мареотскій подражаетъ венеціанскому иконописцу X-го вѣка, аѳонскому живописцу V и VI вѣка. Костюмъ лицъ вездѣ и во все времена одинаковый не только по формѣ, но и по цвѣту, рисунку, даже по числу и толщинѣ складокъ. Тѣ изъ греческихъ святыхъ, которые, носятъ длинныя одежды, могутъ быть узнаны по малѣйшей складкѣ, образуемой одеждою выше или по ниже колѣна. Невозможно довести до большей точности вѣрность преданій и рабское подраженіе прошлому. Такъ въ настоящее время греческій иконописецъ рѣшительно не творитъ ничего, а ограничивается произведеніями по руководству къ живописи, кодексомъ преданій, получившимъ авторитетное значеніе со времени раздѣ-

ленія церквей. Такое необыкновенное явленіе некоторые объясняютъ тѣмъ, что искусство подчинилось деспотизму богословія и что греческій художникъ подчинялся преданіямъ, въ силу церковнаго закона“ (1). Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Годардъ совершенно игнорируетъ цвѣтущій періодъ византійской иконописи, когда еще появлялось много произведеній оригинальныхъ, когда еще не было руководствъ къ живописи, вызванныхъ какъ известно начинавшимся упадкомъ ея (2). Что касается втораго періода византійскаго иконописанія, то дѣйствительно онъ представляетъ мало оригиналовъ и отличается механическимъ подражаніемъ древнимъ копіямъ и рабскимъ исполненіемъ правилъ руководствъ къ живописи. Слѣдов. Годардъ только слишкомъ обобщаетъ факты, перенося недостатки періода упадка иконописи византійской и на періодъ ея процвѣванія. Далѣе, указанный фактъ некоторые ученые, цитируемые Годардомъ, объясняютъ вліяніемъ богословскаго ученія, и силою церковнаго закона, по которымъ такъ, а не иначе каждый иконописецъ въ своемъ произведеніи долженъ былъ выражать религіозную идею, догматъ. Но Годардъ находитъ, что Дидронъ и Е. Давидъ натянуто толкуютъ акты никейскаго собора и склоняется въ пользу значенія церковныхъ преданій и законовъ въ области церковной живописи. Иконописаніе не есть вполнѣ свободное творчество, гдѣ совершенно независимо ни отъ какихъ ограниченій дѣйствуетъ фантазія художника. Въ области свѣтской живописи творческая фантазія подчиняется законамъ современной эстетики; въ области церковной живописи она прежде всего должна быть подчинена духу, зако-

(1) Ученые Дидронъ и Е. Давидъ находятъ такой законъ въ актахъ (actio 6) собора Никейскаго. Но здѣсь говорится не о композиціи фигуръ, но о преданіи, которое оправдываетъ практику иконопочитанія и о правилахъ, управляющихъ ею“. *Cours d' archeologie Sacrée, tom. 2 pag. 50—1.*

(2) Практическія руководства къ живописи въ первый разъ появляются въ Византійской имперіи въ IX вѣкѣ, въ царствованіе Василія Македонянина.

намъ и цѣлемъ Церкви, а потому уже условіемъ эстетическимъ. Это требованіе было исполнено византійскимъ иконописаніемъ: оно полагало свою славу не въ оригинальности изобрѣтенія и исполненія сюжета иконы, а въ возможно сильнѣйшемъ воздѣйствіи изображенія на религіозное чувство христіанина, молящагося въ церкви. Оставляя на второмъ планѣ художественныя цѣли, но не игнорируя ими, византійскіе иконописцы ставили на первомъ планѣ цѣли религіозныя и слѣд. своимъ искусствомъ служили на пользу церкви. Историческій опытъ показываетъ, что дѣйствительно, византійскія иконы превосходно дѣйствуютъ на религіозное чувство: не заключая въ себѣ ничего, возбуждительно дѣйствующаго на чувственную сторону чловѣка, напротивъ представляя въ изображаемыхъ ликахъ красоту нравственную, преобладаніе духа надъ плотію, онѣ вызываютъ чувства благоговѣнія и молитвеннаго расположенія. Людми, глубоко понимающими цѣль и назначеніе иконъ въ храмѣ, византійскія иконы предпочитаютъ произведеніямъ иконописанія западнаго.

Наконецъ, высказавши, что шестаго акта дѣяній никейскаго собора не слѣдуетъ понимать въ смыслъ церковнаго закона, ограничивающаго иконописца, Годардъ объясняетъ причины неудовлетворительнаго состоянія византійской иконописи слѣд. образомъ: „мы думаемъ, что неподвижность греческаго искусства зависѣла отъ нравственнаго положенія церкви. Раздѣленіе съ Римомъ и гнетъ завоевателей отнимали у восточной римской имперіи все стремленія, всякое интеллектуальное развитіе; и болѣе ничего не нужно было, чтобы охладить художниковъ и превратить живопись въ трупъ, или по меньшей мѣрѣ въ плѣницу, которой движенія стѣсняются узами (цѣпями)“. Этотъ отзывъ, нѣсколько рѣзкій, все таки совершенно вѣрно указываетъ истинныя причины упадка византійской иконописи въ историческихъ условіяхъ восточной Церкви.

(Продолженіе будетъ).

ПОѢЗДКА ВЪ БЕРШАДСКІЙ ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ МОНА- СТЫРЬ

Крестомъ высокимъ осѣненный,
 Вдали отъ селъ и городовъ
 Одинъ стоишь ты, окруженный
 Густыми купами деревъ.
 О, какъ сыны твои счастливы
 Въ твоемъ безмолвіи святомъ!...

Никитицъ.

Осужденный непредвидѣнными обстоятельствами провести въ незнакомомъ мнѣ городѣ Ольгополь (подольской губ.) два-три дня въ совершенномъ бездѣйствіи, я рѣшительно не зналъ, что съ собою дѣлать и куда мнѣ дѣваться отъ неизбежно предстоявшей въ эти дни скуки. Но вотъ, по дорогѣ, подъ палящими лучами июльскаго солнца, медленными шагами плетется нѣсколько бого-молокъ и дѣлаетъ привалъ подъ окнами моей квартиры.

— Не въ Кіевѣ-ли? — спросилъ я.

— Ни, паночку, а въ Бершадскій монастырокъ.

— Отчего-же не говорите вы въ монастырь, а въ монастырокъ.

— Бо бачите, паночку, заговорила одна изъ нихъ, — тамъ перше, якъ люды оповидають, довго була една тилько малесенька деревянная церковця и килько хатокъ, де черниці жылы.

— Ну, а теперъ?

— Э, теперъ вже тамъ е и муровани церкви, и черниці жы-вуть вже не въ хатахъ, а въ келліяхъ; але про те, паночку, люды все таки его монастыркомъ называють.

— Чтожъ въ этомъ монастырь мощи какого-нибудь святаго угодника почивають, или есть какая-нибудь чудотворная икона?

— А якже, якже, образъ Матери Божои.

— А монастырь этотъ въ самой Бершади?

— Ни, не далеко отъ Бершади, въ лиси; кругомъ его лисъ, такой густой и высокий, шо зъ дороги зовсімъ не видно того монастырка, а тамъ, де стоять церкви и келліи черницъ, то-тамъ всюды садъ — отъ такъ, якъ нибы въ раю. Ахъ якъ бы вы, па-

почку, продолжала она, бачылы и чулы, якъ тамъ гарно лабо-
 женьство видправляется, то Боже мій, Боже!... А батюшка архи-
 мандрита вже старесеньки, але службу Божу такъ голосно и
 выразне видправляютъ, що и мала дытына его зрозуміе.

Въ концъ концовъ, разговоръ съ богомолками подалъ мнѣ
 благую мысль, во избѣжаніе угрожавшей мнѣ скуки, съѣздить въ
 Бершадскій монастырь. Благо, недалеко: всего отъ г. Ольгополя
 15 верстъ

На другой день выѣхавъ, въ 6 час. утра, я рассчитывалъ
 застать еще заутреню, послѣ которой, какъ мнѣ было сказано,
 еженедѣльно по субботамъ, предъ чтимою народомъ въ этомъ
 монастырь иконою Божіей Матери, соборно отпѣвается акаѳистъ;
 но, къ сожалѣнію, опоздалъ.

Узнавъ, что обѣдня начнется въ 8^{1/2} час., я сначала побродилъ по
 монастырскому фруктовому саду, а затѣмъ, выйдя за ограду, тот-
 часъ же очутился въ лѣсу, который, по проведеннымъ въ немъ
 частымъ и правильнымъ просѣкамъ, не уступаетъ любому парку.
 Пробираясь этими просѣками къ востоку, я незамѣтно очутился
 на краю лѣса, на довольно возвышенномъ холмѣ, откуда глазамъ
 неожиданно представился привлекательный видъ: внизу рѣка,
 омывающая рошу сребристыхъ тополей; далѣе м. Бершадь; еще
 далѣе обширныя поля, покрытыя роскошною золотистою пшеницею;
 а тамъ, на отдаленномъ горизонтѣ, въ синевѣ, виднѣются лѣса,
 села и опять лѣса.... И, быть можетъ, я долго-бы любовался этой
 красивой мѣстностью, если-бы далеко разносившійся по лѣсу
 звонъ монастырскаго колокола не напомнилъ мнѣ о намѣреніи
 побывать у обѣдни. Нечего дѣлать, иду назадъ. Но вотъ замолокъ
 наконецъ церковный звонъ, и вмѣсто его эхо уже разноситъ по
 лѣсу церковную пѣснь: „Святый Боже.... помилуй насъ!“

И тихо, тихо замирають въ лѣсу звуки этой дивной пѣсни...
 какъ благотворно дѣйствуютъ они тутъ на измученную невзго-
 дами житейскими душу...

Ускоренными шагами вошелъ я въ церковь, гдѣ у обѣдни совершаемой медленно и тихо старцемъ-іеромонахомъ вмѣстѣ съ іеродиакономъ, было очень небольшое число простолюдиновъ_богомольцовъ. Во время причастна пѣли какимъ-то особеннымъ напѣвомъ: „Вскую мя отрунулъ еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый“... Напѣвъ этотъ, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что въ числѣ поющихъ „Свѣте незаходимый“ я замѣтилъ двухъ слѣпцовъ, для глазъ которыхъ свѣтъ вещественный навсегда сокрылся...

Принятый, по окончаніи обѣдни, настоятелемъ о. архимандритомъ Е.; въ его комнатахъ, самымъ привѣтливымъ образомъ, я изъ разговора съ нимъ узналъ, что въ монастырь есть между прочимъ *ремесленное училище для бѣдныхъ дѣтей духовнаго званія*, преимущественно круглыхъ сиротъ, и *богадѣльня*. Признаюсь, это рѣдкое въ нашихъ монастыряхъ явленіе сильно меня заинтересовало, вслѣдствіе чего я обратился къ о. архимандриту съ просьбою позволить мнѣ посѣтить эти оба заведенія. Добрый старецъ, видимо довольный такимъ предложеніемъ, не только изъявилъ свое на то согласіе, но еще и самъ взялся ихъ мнѣ представить. По осмотръ того и другаго заведенія, я усѣвшись съ о. архимандритомъ въ саду подъ деревомъ, сталъ изъ любопытства предлагать ему вопросы: сколько учениковъ въ ремесленномъ училищѣ? кто ихъ учитъ? сколько лѣтъ они должны въ немъ пробыть?—и на всѣ эти вопросы я получалъ отъ него положительные отвѣты. Но когда я его спросилъ: сколько на каждаго изъ нихъ въ годъ изъ казны отпускается?—то о. архимандритъ, посмотрѣвъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ, сказалъ: „Стало бытъ вы думаете, что они имѣютъ здѣсь казенное содержаніе, не такъ-ли? А! теперь уже становятся мнѣ нѣсколько понятны нѣкоторыя, дѣлашныя вами во время осмотра, замѣчанія. Такъ знайте-жъ, что какъ ремесленное училище, такъ и богадѣльня содержатся на собственныя средства монастыря.“

— Неужели? — спросилъ я, въ свою очередь съ неменьшимъ удивленіемъ. Следовательно, вашъ монастырь владѣетъ огромными матеріальными средствами?

— Вашими-бы, какъ говорится, устами медь пить, возразилъ онъ съ улыбкой. Впрочемъ, если вамъ непременно хочется знать, какъ велики наши матеріальныя средства, — то извольте: процентовъ отъ 27 т. руб. капитала, въ неразмѣнныхъ кредитныхъ 4⁰/₀ билетахъ, получаемъ ежегодно 1080 р; за отдачу въ арендное содержаніе земли съ мельницею и прудомъ, которыя находятся въ 30 верстномъ отъ монастыря разстояніи, получаемъ въ годъ 320 руб., итого 1,400 р. Изъ этихъ денегъ высылается ежегодно на жалованье посвященному викарію подольской епархіи 450 р. и на содержаніе подольской семинаріи 300 р., итого въ годъ 750 р. Правда, имѣемъ еще на поляхъ бершадскихъ, въ трехъ смѣнахъ, всего 50 десятинъ пахатнаго поля, которое въ настоящемъ году, по экономическимъ расчетамъ, отдано монастыремъ одному крестьянину, какъ говорится, за половину“. Вотъ вамъ и всѣ наши, такъ называемыя вами, „матеріальныя огромныя средства“. А между тѣмъ, продолжалъ достопочтенный старикъ, примите къ свѣдѣнію, во-первыхъ, что въ настоящее время въ монастырь, вмѣстѣ съ учениками ремесленнаго училища и лицами, живущими въ богадѣльнѣ, находятся на лицо 75 чловкъ; во 2-хъ, что монастырь нашъ съ стороны правительства не получаетъ никакого содержанія, а есть общежительный, т. е. всѣ живущіе въ немъ должны быть прокормлены, одѣты и обуты на собственныя средства монастыря. Кроме того, необходимо на тѣ-же самыя средства поддерживать внѣшнее благоустройство монастыря, богадѣльни и ремесленнаго училища“.

Получивъ, какъ выше уже мною замѣчено, довольно подробныя свѣдѣнія о матеріальныхъ средствахъ монастыря, и вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе какъ внѣшнее его безукоризнен-

ное благоустройство, так равно и немалое число лицъ, живущихъ въ немъ, я, во время этого, такъ сказать, отчета даваемого мнѣ о. настоятелемъ о матеріальныхъ средствахъ монастыря крѣпко призадумался надъ разрѣшеніемъ непонятной для меня экономической задачи.

— О чемъ вы, Н. И., такъ призадумались? спросилъ меня добрый старецъ.

— Я попризадумался надъ разрѣшеніемъ непонятной для меня въ экономическомъ отношеніи задачи: какъ можно въ настоящее время всеобщей дороговизны, при такихъ небольшихъ средствахъ содержать все вообще въ такомъ хорошемъ положеніи?

— Вопросъ этотъ, дѣйствительно, серьезенъ, замѣтилъ онъ, и не моему скудному старческому уму_разуму разрѣшить его. Впрочемъ, быть можетъ, вы сами разрѣшите его, если я вамъ расскажу въ краткихъ словахъ исторію нашей обители.

„Преданіе, началъ онъ, относитъ существованіе ея къ отдаленному прошедшему. Кто былъ ея основатель — одному только Богу извѣстно. Находясь въ небольшой топкой ложбинѣ, среди бывшихъ тутъ въ прежнія времена обширныхъ, дремучихъ лѣсовъ, вдали отъ селъ и городовъ, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, обитель эта, по всей вѣроятности, была долго обителью только немногихъ въ строгомъ смыслѣ иноковъ, существованіе которыхъ поддерживалось единственно доброхотнымъ подаваніемъ православныхъ окрестныхъ жителей „на молитвы“. Хотя въ настоящее время обитель не имѣетъ уже прежней своей суровой обстановки, не имѣетъ уже у себя и прежнихъ монаховъ — аскетовъ, однакожь и теперь еще, а особенно весною и лѣтомъ, подъ великіе Господскіе праздники, окрестные жители не оставляютъ ея своимъ посѣщеніемъ и подаваніемъ „на молитвы“.

— Впрочемъ, замѣчу мимоходомъ, продолжалъ онъ, и въ на-

стоящее время многие изъ ея монаховъ не ограничиваются однимъ только исполненіемъ церковныхъ службъ и такъ называемаго, монашескаго правила; нтъ, они сверхъ того, занимаются еще и полевыми работами, и пчеловодствомъ, и кузнечествомъ, и шитьемъ обуви, словомъ.....

— Довольно, прервалъ я его, вопросъ мой вашимъ рассказомъ богѣе или менѣе уже разрѣшенъ. Молитва и трудъ—вотъ единственные средства вашего монастыря.

— Прибавьте къ своему слову „и трудъ“, замѣтилъ онъ мнѣ съ особенною какою-то мягкостію, — „благословляемый свыше“.

Такой христіанскій взглядъ на трудъ, съ его осязательными тутъ доказательствами, навелъ меня на мысль собрать по возможности подробныя свѣдѣнія о ремесленномъ училищѣ и богадѣльнѣ, какъ такихъ заведеніяхъ, на содержаніе которыхъ этотъ монастырь, единственно съ благотворительною цѣлью, затрачиваетъ немало изъ трудовой своей копѣйки; и затѣмъ, при первой возможности, заявить эти добытыя мною на мѣсть свѣдѣнія публично. Скрывъ предъ о. настоятелемъ свое намѣреніе, я, разставшись съ нимъ, принялся тотчасъ же за его осуществленіе. Переходя, подъ предлогомъ простаго любопытства изъ одной мастерской въ другую, я въ одно и тоже время присматривался къ работѣ учениковъ и, вступая съ ними и ихъ мастерами въ разговоръ, собиралъ, самымъ незамѣтнымъ образомъ, отъ нихъ же самихъ, интересовавшія меня о ихъ жити-бытїи, о ихъ обученїи свѣдѣнія. Насколько я успѣлъ въ своемъ намѣренїи—на это, полагаю, отвѣчаютъ нижеслѣдующія данныя:

Учениковъ въ ремесленномъ училищѣ	20
Изъ нихъ обучаются кузнечному и слесарному ремеслу	6
Столярному и плотничеству	6
Сапожному и шорническому	5
Переплетному	2

Садоводству и пчеловодству 1

Выборъ ремесла зависитъ отъ способностей и желанія ученика.

Мастерскія имѣютъ свои особыя помѣщенія и снабжены, а особенно кузница со слесарней, превосходными заграничными инструментами. Кузнечное, впрочемъ, ремесло, насколько мнѣ удалось замѣтить, не совсѣмъ въ настоящее время удовлетвори-тельно. Лучшіе ученики повыбыли на службу по желѣзнымъ дорогамъ, а оставшіеся, по отзыву мастера, не очень охотно занимаются. Прочія-же ремесла идутъ довольно успѣшно. Въ этомъ даже не трудно было мнѣ убѣдиться. Здѣсь теперь строится новый для монашествующей братіи деревянный домъ, въ которомъ окна, двери, полы, покрытие дома гонтой дѣлаются, и очень, очень не дурно, подъ руководствомъ мастеровъ, руками учениковъ здѣшняго ремесленного училища. Далѣе, обувь для всѣхъ живущихъ въ этомъ монастырѣ, переплетъ монастырскихъ книгъ, шоры, узды—все это дѣло учениковъ того-же ремесленного училища.

Замѣчательно, что мастера за обученіе не получаютъ отъ монастыря особаго жалованья,—монастырь предоставляетъ имъ только отъ себя помѣщенія, внѣ ограды монастырской, инструменты и право употреблять труды рукъ обучающихся у нихъ учениковъ въ свою пользу.

Всѣ матеріалы, необходимыя для производства работъ, мастера покупаютъ на свой счетъ. За работы, произведенныя для монастыря, мастера получаютъ отъ него наличными деньгами. Выгоднѣе-ли для успѣшнаго хода обученія въ ремесленномъ училищѣ имѣть мастеровъ—учителей съ жалованьемъ, а работы учениковъ обращать въ пользу заведенія, или же выгоднѣе быть дѣлу на вышеизложенныхъ условіяхъ?—рѣшеніе этого вопроса предоставляю другимъ, болѣе меня компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ людямъ. Не

могу, однако, при этомъ не высказать, что если принять въ соображеніе расходы на наемъ мастеровъ и покупку матеріаловъ, то едва-ли монастырь не практичнѣе въ этомъ случаѣ поступаетъ: здѣсь мастеру совершенно несходно лѣниться, между тѣмъ какъ мастеру, съ определеннымъ жалованьемъ, если только онъ мало мальски недобросовѣстенъ, весьма легко относиться къ своей обязанности совершенно апатично.

Объ учебной части этого училища могу сказать только слѣдующее: классной комнаты, съ ея принадлежностями, здѣсь нѣтъ; а ученики осенью и зимой, въ определенные для учебныхъ занятій часы, собираются въ настоятельскія комнаты, гдѣ катихизису и св. исторіи обучаетъ ихъ самъ о. архимандритъ Е., а славянскому и гражданскому чтенію, письму, ариѳметикѣ и обиходному пѣнію іеромонахъ В. Книгъ для чтенія гражданской печати, за исключеніемъ учебниковъ, почти нѣтъ. Впрочемъ, насколько мнѣ удалось изъ разговоровъ съ учениками замѣтить, то они болѣе дорожатъ умнѣемъ правильно и бѣгло читать книги славянской печати, чѣмъ гражданской. Такое предпочтеніе, я полагаю, естественно происходитъ оттого, что тѣмъ изъ нихъ, которые правильно и бѣгло читаютъ на клиросѣ, выдается такъ называемая „кружка“.

Содержаніе учениковъ здѣсь вообще не бѣдно: одѣты они весь, кто въ нанковый кафтанъ, а кто въ нанковое пальто, довольно прилично; пищу въ скоромные дни пользуютъ, по словамъ ихъ самихъ, лучшею, чѣмъ монашествующая братія; срехъ того, тѣмъ изъ нихъ, которые поютъ въ хорѣ, въ воскресные и праздничные дни дается въ настоятельскихъ комнатахъ, послѣ обѣдни, по стакану чая. Словомъ, ученикамъ здѣшняго ремесленного училища, и на содержаніе, и на обхожденіе съ ними, какъ видно изъ всего, нельзя пожаловаться.

Ознакомившись по возможности довольно подробно съ состояніемъ ремесленного училища, я вслѣдъ затѣмъ зашелъ въ бога-

дѣльную, которая помѣщается во внутреннемъ монастырскомъ дворѣ, въ совершенно отдѣльномъ о четырехъ комнатахъ домѣ. Тутъ я узналъ, вопервыхъ, что въ ней призывается 15 лицъ изъ духовнаго званія, въ числѣ коихъ находятся слѣпые, хромые, разбитые параличемъ, дряхлые старцы и и слабоумные; во-вторыхъ, пищу пользуютя они свѣжею и здоровою, приготовляемою въ особой отъ братской кухни; въ третьихъ, что ежегодно выдается имъ по двѣ и по три пары бѣлья, обувь и одежда — священникамъ рясы и подрясники, а прочимъ халаты, лѣтомъ тиковые, а зимою верблюжьяго сукна.

При такомъ попеченіи со стороны монастыря о лицахъ призываемыхъ имъ въ этой богадѣльнѣ, казалось бы, все въ ней должно быть такъ какъ слѣдуетъ. А между тѣмъ, при самомъ входѣ въ нее васъ поражаетъ въ первыхъ двухъ комнатахъ нечистота стѣнъ, воздуха, грязное бѣлье и изорванная одежда на нѣкоторыхъ изъ лицъ, здѣсь находящихся, и вы невольно задаете себѣ вопросъ: отъ чего и отъ кого все это происходитъ? Съ такимъ именно вопросомъ я и обратился къ одному изъ жильцевъ ея, 84-лѣтнему старцу. „Въ первыхъ двухъ комнатахъ, изволите видѣть, сказалъ онъ, помѣщаются, такъ называемые, слабоумные, а ихъ здѣсь почти на половину. Нѣкоторые изъ нихъ не умѣютъ отличить новаго отъ стараго, грязнаго отъ чистаго; на нѣкоторыхъ изъ нихъ насильно перемѣняютъ бѣлье; отдать свою вещь другому, обмѣнять лучшую на худшую, безсознательно испортить данную ему вещь или даже сжечь ее — все это у нашихъ слабоумныхъ ни почемъ“. Да, дѣйствительно, подумавъ я, при такихъ условіяхъ жизни нѣкоторыхъ изъ жильцевъ этой богадѣльни, нелегко сохранять желанную чистоту и внѣшній порядокъ.

Какъ бы въ подтвержденіе справедливости словъ старика, тутъ же поразсказано мнѣ было другими нѣсколько презабавныхъ и смѣшныхъ случаевъ, изъ-за которыхъ эти слабоумные, началъ

между собою ссору, оканчивали ее дракой; приведено также несколько случаевъ, доказывающихъ крайнюю ихъ небрежность къ внешней чистотѣ и порядку; словомъ, изъ всего тутъ мнѣ поразсказаннаго я пришелъ къ тому заключенію, что монастырю содержаніе богадѣльни какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи не дешево обходится. Не смотря на то, все таки желательно, во первыхъ, чтобы въ нѣкоторыхъ изъ ея комнатъ было побольше чистоты и опрятности; во вторыхъ, чтобы слабоумные не жили совмѣстно съ неслабоумными старцами, слѣпцами и калѣками. И нѣтъ сомнѣнія, что недостатки эти легко могли быть устранены, если бы также и духовенство подольской епархіи, съ своей стороны, ассигновало ежегодно хотя какую-нибудь сумму изъ своихъ попечительствъ на поддержаніе этого въ высшей степени благотельнаго для него заведенія.

На другой день, въ воскресенье, я опять былъ у обѣдни, которую при пѣвнн небольшого хора, образующагося изъ нѣсколькихъ монаховъ и учениковъ ремесленнаго училища, совершалъ о. архимандритъ Е-мъ съ двумя старцами-іеромонахами и однимъ іеродіакономъ. О ходѣ богослуженія грѣшно было бы не отозваться съ похвалою: оно шло медленно, просто и съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ.

Оцѣнивая безпристрастно все видѣнное и лично провѣренное мною въ Бершадскомъ монастырѣ, я нахожу, что привязанность къ нему окрестныхъ православныхъ жителей не лишена разумнаго основанія. Уединенная мѣстность этого монастыря, его тишное ежедневное богослуженіе, простой образъ жизни его монаховъ, привѣтливый его настоятель, который однимъ своимъ внешнимъ видомъ внушаетъ вамъ какое-то невольное къ нему уваженіе, труженническая, въ виду приходящихъ, жизнь монаховъ, его сиротское училище и богадѣльня— все это вмѣстѣ взятое не можетъ не привлекать къ себѣ вѣрующихъ въ простотѣ сердца своего людей.

И, право, благо имъ!..... И нѣтъ сомнѣнія, что тутъ имъ, говоря
словами нашего поэта,

Въ минуту жизни трудную

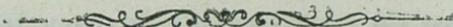
И вѣрится, и плачется,

И такъ легко, легко.....

8-го Іюля 1873 года.

Н. Полосовъ.

(Кіевлянинъ).

Содержаніе: 1) Объ украшеніи христіанскихъ храмовъ священными изображениями. 2) Поѣздка въ Бершадскій Преображенскій монастырь.

Дозволено цензурою. Каменецъ-Подольскъ. 15 Мая 1874 года.
Въ типографіи Подольскаго Губернскаго Управленія.